

С (Т618)
349

УЛУГ·ХЕМ

3·2002

Союзу писателей

**УЛУГ-
ХЕМ**

**СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ
ТЪВА**

№ 3, 2002, май-июнь

---

*ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ*

**РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
“УЛУГ-ХЕМ”
КЫЗЫЛ — 2002**

Главный редактор
Ч. Куулар

Редакторы номера и составители
Г. Принцева, М. Хадаханэ

Художник
Н. Шальк

Фотографии О. Хемчика,
С. Феоктистова

Учредитель журнала: Правительство Республики Тыва, Комитет по печати и информации, Министерство культуры РТ, Союз писателей РТ, творческий коллектив редакции журнала "Улуг-Хем".

Журнал зарегистрирован в Тувинской Республиканской инспекции по защите свободы печати и массовой информации. Рег. № Т— 00028.

Подписно в печать 2002, формат 60x84¹/₁₆. Бумага газетная.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Физ. п. л. 7. Тираж 400 экз.

667000 г. Кызыл, ул. Щетинкина-Кравченко, 57.
Типография Госкоминформпечати Республики Тыва.
667000, г. Кызыл, Республика Тыва, ул. Щетинкина-Кравченко, 1

М— 4702580600
24—13—2002

© Журнал "Улуг-Хем", 2002.

60 ЛЕТ СОЮЗУ ПИСАТЕЛЕЙ ТУВЫ

Игорь ИРГИТ

РОЖДЕН НАЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТОЙ

В 2002 году исполняется 60 лет Союзу писателей Тувы. Знаменательная дата. Для восточного человека, живущего по древним канонам, лунный календарь не просто метод исчисления времени, но и источник данных о биологических циклах всего живого на земле. 60 лет – это полный оборот энергетических балансов, заложенных в организме. Это и есть момент равного противостояния отрицательных и положительных жизненных потенциалов каждого индивида.

Ровно 6 циклов по 12 лет! 1942 год. Тоже год коня. Год создания Союза писателей Тувы. Шла смертоносная, героическая борьба народов мира против гитлеризма. Тува еще не в составе СССР, но фактически воевала на стороне своего старшего брата.

Судьба мира еще не решена. Но в Туве создадут Союз писателей. Какой оптимизм, какая стойкость и вера в светлое будущее!

Но что предшествовало этому? Не могли же на пустом месте создать писательскую организацию. Базой для возникновения тувинской литературы был фольклор, устное народное творчество. По утверждению профессора филологии Д. С. Куулар: “Тувинская литература родилась в 20-е годы прошлого столетия. Этому способствовали большие общественные и собственные, внутренние эволюционные процессы”¹.

Но благодаря Октябрьской революции и развитию демократического строительства в ТНР тувинская литература выросла как новое национальное искусство со всеми традиционными чертами и своеобразием. Главным же двигателем для ее дальнейшего развития явилось создание тувинской национальной письменности в 1930 году. Правительство и Народно-революционная партия Тувы оказывали огромную поддержку становлению литературного процесса и подготовке талантливых национальных кадров. Для этого были

---

¹ Тувинская литература на пороге XXI столетия (Д.С.Куулар)

учреждены на местах литературные кружки, открыты литературные страницы в газетах “Хостуг арат”, “Шын”, “Тыванын аныяктары”. Регулярно выходил литературный журнал “Заря революции”.

Буквально за считанные годы после создания тувинской письменности из народной среды выявились яркие таланты, настоящие самородки художественного слова: Кок-оол, Идам-Сюрюн, Тока, Лопсан, Тамба-Сюрюн, Пюрбю, Сарыг-оол..

Именно эти личности стали зачинателями тувинской национальной литературы и за короткий срок поставили ее в один ряд с другими литературами народов России.

Первые тувинские писатели почти самоучками осваивали теорию литературы, “набивали руку”, пробуя перо в самых разных жанрах художественного слова – эпос, публицистика, сатира, поэзия, драматургия.

Но все же кто был основателем тувинского литературного слова? По определению одного из первых тувинских писателей-публицистов Иргита Бадра:

“Тувинскую литературу и норму литературной речи основал Салчак Тока”¹.

С этим утверждением нельзя не согласиться. Еще до создания тувинской письменности Тока, обучаясь в КУТВ-е в Москве, значительно ближе, чем другие его земляки, познакомился с мировой литературой через русский язык. С созданием же тувинской грамоты он счастлив был изложить все свои литературные задумки на родном языке, обнародовав свой профессиональный писательский талант.

В конце 30-х годов именно Салчак Тока стал инициатором учреждения писательской секции при комитете по искусству Совета Министров ТНР. Руководителем секции был назначен Тюлюш Сарыг-оол (Степан Сарыг-оол). А председателем комитета по искусству был Иргит Бадра. Секретарем работал Сергей Пюрбю.

Вот четыре “ножки” будущей тувинской писательской организации: Тока, Сарыг-оол, Бадра и Пюрбю. Они организаторы, они идеологи, они деятели!

Для пущей верности этой мысли хочу предложить один важный документ начала 1941 года, напечатанный в журнале “Заря революции”. Это постановление комитета по искусству при Совете Министров ТНР “О работе писательской секции”. Документ критический, жесткий, требовательный, но и справедливый. Читая между строками данного документа, можно отчетливо заметить тревогу и озабоченность подписавших этот исторический акт лиц за дальнейшее динамичное развитие тувинской литературы. Возможно, именно этот документ явился яблоком раздора между двумя группами фаворитов в молодой писательской организации. Это группы Бадра плюс Пюрбю и Тока плюс Сарыг-оол.

---

¹ Журнал “Заря революции”, 10 января 1941 г., статья “Руководитель и создатель тувинского национального искусства”.

Спустя несколько лет первая группа была “разгромлена”: Пюрбю осужден за “антисоветизм”, Бадра “изгнан” в деревню, предан анафеме.

Но документ остался! Живое свидетельство начала нашей национальной литературы, рождения Союза писателей Тувы.

Постановление¹

Заслушав доклад тов. Т. Сарыг-оола о работе писательской секции при комитете культуры, Комитет искусств дает следующее заключение:

Меры, предпринимаемые писательской секцией по выполнению решения ЦК ТНРП и Советом Министров ТНР “О создании писательской организации”, а также по ускорению развития и качества тувинской литературы, в отчетный период работы секции считать крайне недостаточными. Нет конкретных планов по изданию произведений наших писателей, а также мер по повышению квалификации и учебы писательских кадров, а члены писательской секции еще не осознают исключительное значение литературного дела.

Таким образом, в целях дальнейшего улучшения мер по развитию писательской секции, Комитет по искусствам при Совете Министров ТНР постановляет:

1. В целях повышения теоретических навыков и квалификации писателей необходимо создать литературный кружок при писательской секции. Туда желательно пригласить писателей, работников редакций, государственного книжного издательства, учителей родного языка школ города.

Учебную программу данного кружка, а также перечень мероприятий, связанных с работой кружка, составить не позднее 15 января 1941 года. Ответственные товарищи – Пюрбю, Сарыг-оол.

2. В целях повышения качества произведений и квалификации авторов необходимо почаще проводить семинары-совещания авторов, организовать критический разбор произведений, доклады по литературной теории и всесторонне освещать их результаты в средствах массовой информации.

Эти мероприятия должны находиться под контролем писательской секции.

3. Изменить план писательской секции по подытоживанию работ членов секции к 20-летию ТНР, запланировать ежемесячное подведение итогов работы писательской секции.

4. Главное направление произведений авторов должно быть совокуплено с достойной встречей 20-летия ТНР, а также стремиться всесторонне осветить все наши достижения, добытые народом в течение этих 20 лет.

5. Проводя здоровую критику среди писателей, необходимо искоренить факты графоманства, фальши, незаслуженного обладания

---

¹ Из журнала “Заря революции”, 10 января 1941 г. Статья “Руководитель и создатель тувинского национального искусства”.

званием писателя. Надо ускорить печатание произведений авторов, повысить качество издаваемой продукции.

Все эти требования возложить на обязанности писательской секции.

Председатель Комитета по искусствам при Совете Министров ТНР Иргит Бадра.

Секретарь Комитета по искусствам при Совете Министров ТНР Тюлош Пюрбю.

10 января 1941 года.

Е. Байкара, С. Пюрбю. 60-е годы.

ОТКРЫТИЕ ИСТИНЫ

Не сомневаюсь: в каждом человеке живет любовь к прекрасному. Порой она зарождается совсем незаметно, как тоненькая ниточка ручейка. Будь это любовь к природе, к родному краю или к определенному виду труда, к науке ли, к искусству ли – все равно, но она, эта всемогущая любовь, есть у всех. А иначе чем же может жить человек? Любовь к прекрасному начинается с рождения самой жизни: скажем, любовь к матери, к цветам, песням, музыке...

Для современного молодого человека или вообще для человека, вступившего в жизнь, встреча с искусством печатного слова начинается с детства естественно и закономерно. У меня же она произошла гораздо позднее, если не сказать - поздно. Знакомство с фольклором, народной мудростью началось, как только я стал понимать человеческую речь: слушал колыбельные песни матери и бабушки, подрастая, узнавал пословицы, поговорки, песни и сказки. Но с печатным словом мне довелось познакомиться, будучи уже взрослым. Таковы были условия в дореволюционной Туве, что только после народной революции я, двадцатилетний парень, впервые попробовал выводить буквы монгольского алфавита (тувинской письменности еще не было). А в 22 года, окончив в Кызыле партшколу, был направлен в числе других отличившихся в работе или учебе шестидесяти молодых людей на учебу в Москву в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Это было в 1930 году.

Путь от Кызыла до Москвы для нас был сложен во всех отношениях - впервые покидали родные места, ехали в неведомое, в легендарное - в Москву; добирались до столицы по Енисею и по железной дороге около месяца. И вот Москва, Тверской бульвар, 13 – там было общежитие, а университет помещался на Страстной площади (теперь площадь Пушкина). По пути от общежития до места учебы я впервые увидел памятник человеку. Все в нем поразило меня: его несовременная одежда, глубокая задумчивость склоненной кудрявой головы и бронзовая, как весь он, шляпа в левой руке, отведенной за спину, и ограда из цепей с бронзовыми венками по углам. Кто он, зачем здесь стоит, о чем он так задумался, что не замечает людского потока вокруг него?

Ежедневно по несколько раз я ходил мимо памятника, первое время он был мне ориентиром, чтобы отыскать обратный путь из КУТВа в общежитие: я любовался и даже рассматривал строки, написанные на пьедестале памятника, конечно, не умея их понять.

Расспрашивая старшекурсников, я узнал, что это памятник поэту, который не боялся ни царя, ни бога, любил простых людей и писал о

них. Дотошное любопытство заставило меня обратиться и к одному из преподавателей наших, знавшему тувинский язык, с вопросом: кто этот человек, отлитый в бронзе?

Александр Адольфович Пальмбах прочитал мне стихи, приведенные в надписи, и перевел устно на тувинский язык их содержание. Так я впервые встретился с поэзией Пушкина. Но что такое поэзия, конечно, узнал не сразу.

Чтобы нам было понятней, Александр Адольфович, объясняя, сравнивал стихи Пушкина с тем, что было нам доступно, – с народными песнями, которых я знал достаточно. Потом он предложил нам самим попытаться писать стихи...

Так стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова и других русских поэтов звучали для нас из уст преподавателя, они казались приятными своей напевностью. Я начал постепенно познавать одновременно и русский язык, и чудо поэзии.

Знакомство с поэзией, безусловно, не могло произойти вдруг, без знания языка: оно развивалось и углублялось постепенно и сложно. Надо было изучить русский язык, чтобы читать, писать и думать на нем, пусть даже с постоянным мысленным переводом на родной. Русский язык привел меня постепенно к открытию гения Пушкина. Мне очень хотелось поделиться великой радостью этого открытия с моим народом, и я попытался переводить стихи Пушкина на родной язык. Работа переводчика всегда ответственна и очень трудна, но в то же время она доставляет несравнимую радость, когда удается отыскать близкое понятие и обрадовать читателей. Работа же над переводом пушкинских стихов помогает с каждым разом все глубже проникать в необъятные высоты творчества мирового гения.

За свою жизнь я не раз обращался к переводам его поэзии и сделал их немало, в том числе перевел поэму "Полтава" но, откровенно признаюсь, в моем понимании Пушкин непознаваем до конца: чем больше читаешь или переводишь, тем чаще открываешь новое и новое в нем. Он, как свет ярчайшей звезды: чарует и притягивает, но до конца не открывает свои тайны.

В моем понимании, у Пушкина есть свойство не считаться мертвым и даже не казаться далеким предком, который родился много лет назад, а сегодняшним, существующим, живущим среди нас, расточающим свои веселые остроты друзьям, идущим рядом с нами.

Я не знаток музыки, но Пушкин почему-то мне кажется близок музыке Моцарта и даже как бы его личным, близким другом.

Трудно представить, как бы развивалось мое собственное творчество, не узнай я Пушкина. Он – мой непосредственный учитель в литературном труде, он учит видеть глубже прекрасное, понимать человеческие сердца, красоту поэзии.

Не знаю, как сумел я высказать свое отношение к Пушкину в стихах, написанных много лет назад. Вот они, в переводе моего покойного друга, московского поэта Федора Фоломина:

Ребенком я взглянул
на мир впервые –
в моих глазах природа
расцвела.
Спасибо, мать, за все
цветы живые,
за это море света и тепла!
Впервые строки Пушкина
читаю,
открыл я мир неведомой
души;
с открытыми глазами
подростая,
прекрасное увидел я
в глуши.
Постиг я душу русского
народа,
что, словно солнце
вечное, добра,
звенела в ямбах чуткая
природа,
познал я Русь в глухие
вечера.
Все в Пушкине –
от Волги до Сибири:
полдnevный свет,
дыханье плавных вод,
и та земля,
что всех богаче в мире,
и непреклонный
богатырь-народ.

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

“ПУСТЬ СЛЫШАТ ВСЕ...”

С творчеством народного поэта Тувы Степана Агбановича Сарыг-ооля я давно знаком – примерно с середины 60-х годов. Его стихи в моих переводах на русский язык печатались и в Туве и в Москве, в газетах и журналах.

В 1968 году в Тувинском книжном издательстве вышла под моей редакцией книга его стихов “Песня хомуса”...

Горький говорил когда-то, еще до первого съезда писателей: “Поэт должен быть эхом мира, а не нянькой своей души!”. Степан Сарыг-оол всем своим творчеством оправдывал пожелание основоположника советской литературы. Он откликался на все выдающиеся события в нашей стране, во всем мире, прежде всего, разумеется, на то, что происходило в его родной республике Туве. В этом можно легко убедиться, читая его стихи.

Начиная с напечатанных в 1934 году "Эрге шоле" - "Свобода", особенно в 1944 году в стихотворении, изданном в год добровольного вступления Тувы в состав СССР "Я - гражданин Советского Союза".

Пусть слышат все, и недруг мой, и друг -
Тувинца песнь, свободную, как сокол.
Идем мы, глядя с гордостью вокруг,
Впервые вскинув голову высоко.

(Перевод О. Ивинской и С. Северцева)

Книги стихов Сарыг-оола, выходявшие в разные годы на русском языке, переводили разные, но большей частью хорошие поэты. С.Гудзенко, А.Ойслендер, В.Казин, А.Жаров, С.Козлова...

Народный поэт Тувы САРЫГ-ООЛ, как МАЯКОВСКИЙ, отдавал " всю свою звонкую силу поэта " атакующему классу, труженикам родного тувинского народа, труженикам всей нашей Советской страны, всей планеты!

(Статья Павла Железнова дана в сокращенном виде - Ред.)

Первый съезд писателей РСФСР декабрь 1958 год, Москва.
Сагаан-оол, Тока, Шолохов, Гамзатов, Исбах.

Степан САРЫГ-ООЛ

ОГНЕННЫЕ ТЕЛЕГИ

В те годы был я еще подростком. Однако и я захотел обзавестись крыльями, дотянуться наравне со взрослыми, как говорится, до тороков седла. Да и как могло быть иначе! В раннем детстве лишился я отца и матери, постоянного крова над головой, и моими неразлучными спутниками были голод, стужа, потемки. Они дружили со мною, как хлыст дружит с конем или короед – с деревом. Подальше бы от таких друзей, которые хуже лютых врагов! Но, с другой стороны, они были моими учителями жизни, хоть и жестокими.

И вот тогда-то по стойбищам и аалам покатались необыкновенные слухи. Кто уж их распускал, не знаю, но только думаю – недобрые люди мутили нас тогда. Только и слышалось кругом: говорят, говорят, а вот еще говорят. Назойливые, как весенние черные мухи, пронзительно жужжа, эти слухи и толки дошли и до моих ушей. И я вслед за многими поверил, что по ямской дороге, в нижней долине, с русской границы идут, пыхтят какие-то огненные телеги. И что-де встреча с ними сулит человеку неминуемую смерть.

Ежели нет ветра, рассуждал темный народ, с чего бы кисточкам на ветвях ветел шевелиться? Надо держать уши настороже, слышать издалека!

Мои сверстники, и особенно ребята постарше, стали выхваляться передо мною:

— Мы своими глазами видели огненные телеги!..

Почему не попросишь у хозяев коня и не доскачешь до ямской дороги?

Хорошо ли было детям отцов, у которых в степи паслись табуны скакунов, говорить так! Они явно издевались надо мною, прозрачно намекая на мое зависимое, незавидное положение эштенчи, бесплатного работника, сироты, ставшего чужим сыном за кусок хлеба – сыном на время. Но разве я мог заикнуться хозяевам о коне, именно хозяевам, а не родителям?

Как-то утром я толлок просо возле юрты моих временных родителей, и ко мне верхом подъехал Баву, сын местного ламы. Не сходя с коня, он заговорил об огненных телегах с хозяйскими батрачками, которые поблизости от меня доили коров.

— Вот вам светлое солнце, сам их видал! – поклялся он.

Девушки побросали коров и с подойниками устремились к нему, вмиг окружили всадника. Я же сделал вид, что эта новость меня не

касается, и продолжал толочь просо, хотя вы понимаете, конечно, послал туда оба моих уха, как у нас говорят.

— Своими глазами видел, - повторял Баву. - Подхожу... не моргаю даже, чтобы лучше разглядеть... Копыта у этих телег вроде змеиного брюха... Вытянул я правую руку, приставил к телеге палец, а она как пыхнет в него жаром!

— И-ий! - взвизгнула Мундурма. - И впрямь огненные!

— А ты думала! - солидно подтвердил Баву. - Внутри, как в чайнике, все кипит, ревет и клоочет.

Насмешливая Борбанай подзадорила парня:

Сарыг-оол и Лопсанчaп, 1958

— Ну-ну, заливай! Заврался, девочки, наш Баву!

Сын ламы окинул ее негодующим взглядом:

— Это я-то обманываю?! Да спросите хотя бы.. как его... Чамбажика! Вчера вечером его жена прибежала к шаману, а я невзначай подслушал. Она сказала, что русские посадили Чамбажика прокатиться до ближайшего аала, и начало его рвать.. Она

просила спасти ее умирающего мужа, и шаману пришлось плясать вокруг Чамбажика, а бедняге в свою очередь выплясывать перед шаманом, чтоб хоть немного сбавил плату за изгнание огненного духа. А ты говоришь - я заврался!

— Ай, беда! Страх-то какой! - запрчитала чувствительная Мундурма, оглядывая подруг; она походила в эту минуту на собирающуюся вспорхнуть птицу.

— Днем, при солнце, — продолжал Баву, — когда огненная телега подбежала к юрте Чингин-оола, лошади в загоне перепугались, проломили изгородь и умчались в степь.

Пожилая тетка моего хозяина воскликнула недоуменно:

— Ужас! А разве в аале никого не было, чтобы перехватить лошадей?

— В юрте Чингин-оола была тогда одна старуха, да и та, говорят, со страху забилась в угол, — нашелся Баву.

Доярки засмеялись.

— Бедная! - посочувствовала ей хозяйская тетка и повернулась к девушкам: — А коровам вы подождать прикажете?

И она величаво удалилась в юрту.

Доярки притихли, зашептались. Мундурма вплотную подошла к всаднику и, дотронувшись до стремени, тихо сказала:

— Знаешь, о чем мы сговорились? Давай сегодня ночью пойдем туда, мы нисколько не боимся. Позови ребят, повеселимся вволю.

— Правда? – оглядел Баву улыбающихся девушек.

— А почему нет? – за всех ответила Борбанай.

— Ладно! – глядя в ее прищуренные глаза, согласился Баву.

Потом он покосился в мою сторону и, слегка подбоченившись, подстегнул коня.

Я пожалел, что и на этот раз так мало узнал об огненных телегах. Но тут же я подумал, что если действительно встреча с огненными телегами грозит неминуемой гибелью, то почему же красавчик Баву, который всего на три года старше меня, остался цел и невредим. И мне пуще прежнего захотелось поглядеть на них собственными глазами...

— Да куда же ты едешь? Почему не в ту сторону? – звонко воскликнула Мундурма.

— За табуном! – откликнулся Баву. – Пригоню его, отберем коней, сколько нам надо!..

Как остро завидовал я в этот момент красавчику Баву, завидовал и тому, что он старше меня, и тому, что у этого сына богатых родителей есть резвые кони, нарядный халат. С ним, а не со мною поедут наши доярки смотреть русские огненные телеги!

И я дал себе слово во что бы то ни стало тайком от всех последовать за этими счастливыми. “Неужто быстроногий паренек не доберется без коня до ямской дороги? – рассуждал я. – Доберусь, нужно лишь приналечь! Но сперва надо закончить все дневные работы...”

Весь день я трудился с усердием необыкновенным, а едва начало смеркаться, пустился в далекий путь.

Босоногий, я шел быстрым легким шагом и тихонько напевал:

Ведь человек родится не конным,
А родится пешим!
Не вдвоем с подругой,
А один-одинешенек!

Это была песня как раз обо мне и для меня, и я пел ее с упоением, не замечая пройденных верст.

И когда на землю спустилась ночь, я не знал, сколько юрт и верст осталось позади и где я нахожусь. Я знал лишь, что между закатом солнца и наступлением темноты прошло немало времени и что я далеко-далеко от юрты моих хозяев, откуда мне посчастливилось выскользнуть неприметно. Я даже не бросился в глаза пожилым дояркам, которые начали доить последних коров. Но я знал также, что в конце концов меня хватятся, крикнут: “Эй, ты, привязывай телят!”

Расплата за отлучку вселяла в мою душу страх. Но сейчас меня влекло вперед ожидание неведомого и таинственного...

Месяц был в ущербе – едва-едва поблескивал в небе узенькой дугой. Я то пробирался сквозь кусты, где было не менее темно, чем если бы я, остановившись, зажмурил глаза, то шлепал босыми ногами по каким-то тропкам, уже влажным от выпавшей росы.

Начиналась осень, и ночная сырость освежила мою голову, полную беспорядочных, самых неожиданных мыслей и видений... Порою мне мерещилась стая волков, пересекающих мою тропинку. Но я тут же говорил себе, что не только одного синеглазого, но даже стаю я не заметил бы в окружающем меня мраке. Да что там волк! Повстречайся на пути огромная, с гору, ведьма-чилбыга, разинувшая пасть, чтобы проглотить дерзкого мальчонку, я и тогда бы ничего не разглядел. Казалось, что даже полевые мышата, отлично видящие в темноте, не увидят в эту ночь, как среди стеблей бурьяна притаилась поджидающая их змея, и сами вползут к ней в глотку.

Я остановился, чтобы перевести дух. Остановился и прислушался – никого и ничего! А ведь в обычные вечера и ночи, когда идешь или едешь верхом от аала к аалу, то и дело слышишь, что кто-то в стороне подгоняет отбившуюся от стада скотину: “Айт-ойт! Ха-шу! Ха-шу!”

Но вот в ночь пришли наконец звуки. Первыми диковинно засвистели и закричали болотные птицы. Похоже, было, что они оповещают болотных обитателей о крадущихся во тьме врагах, на что-то жалуются человеческими голосами.

- Ложись, ложись, ложись!
- Хвать-хвать! Хвать-хвать!
- Чикай-чирикай! Чикай-чирикай!
- Нож в бок! Нож в бок!
- Чисто почистил! Чисто почистил!
- Вот беда! Вот беда!

Потом я уловил дальний переключок журавлей-часовых. В нем тоже слышались людские голоса:

- Береги-и-ись!
- Береги-и-ись!

И вдруг опасность, видать, миновала, — журавли хором начали песню.

“Значит, уже поздно, — сказал я себе, — скоро все заснет. Выходит, я добрался до ямской дороги!.. Она там, рядом с болотом, за которым курлычут журавли”.

Вскоре я пришел к ямской дороге, присел на обочине. Но где же эти страшные огненные телеги? Я насторожился, долго сидел, постукивая от страха зубами, но никаких посторонних, знакомых мне звуков не доходило до моих ушей.

Вдруг близ дороги, в кустах, что-то затрещало и забухало.

“Воздушный бубен! – пронеслось у меня в голове. – На могилах шаманов бьют невидимые бубны – злые духи увидели человека и сейчас сотрут его в прах!”

Много раз слышал я в детстве это поверье. Но ужаснулся по-настоящему только теперь: ведь никогда еще не приходилось мне ночью забредать так далеко от аала! Я притаился, сжался в комок, крепко зажмурил глаза. Но я был все же сын нужды и лишений, и я не дал паническому страху овладеть моей душой, а, широко раскрыв глаза стал пристально вглядываться в темень.

“Нет, это не воздушный бубен, — стряхнул я с себя пугающее наваждение. — Это простой, настоящий бубен, видно, где-то поблизости шаман камлает”.

Я прыгнул с обочины в придорожную темноту и начал разгребать обеими руками стебли ковыля-дерису, ветки терновника и караганника, который русские ученые люди называют степной акацией. Шипы и колючки царапали мне руки, ноги, лицо и сквозь ветхую, подаренную хозяевами одежду впивались в грудь и бока.

Не знаю, долго ли продирался я сквозь сплошной терновник, но помню, что так же внезапно, как я попал в это царство злых колючек, вырвался из него на мягкий влажный песок. То была широкая проезжая дорога.

— Ага! Я снова на большой ямской! — вслух обрадовался я. — Хороша дорога, недаром ее облюбовали огненные телеги!

Я и обрадовался и испугался одновременно. Подумать только, эти загадочные телеги где-то поблизости! Повторяю, подобно большинству моих сверстников, я был одержим желанием поскорее увидеть их, какую бы беду ни сулила эта встреча. Впрочем, после утреннего наезда Баву вера в смертоносность русских телег потускнела в моем сердце.

Я зашагал по тракту. Кожа на моих ступнях, которую минуту назад сильно саднило и щипало, понемногу перестала болеть: ее словно ласкала нежная, почти невесомая пыль на краю дороги.

Но в ту ли сторону иду я? Пришлось остановиться, подумать, снова взять себя в руки.

“Постой, постой! Не спеши! — заговорил я сам с собой. — Не горячись! Раз это большая ямская, то тебе лучше всего забраться в стог сена или на придорожный тополь и спокойно дожидаться зари. В этой долине, говорят, народ постоянно косит траву, и здесь много стогов. А при свете дня ты разберешься, куда направиться”.

Я ощупал руками и ногами обочину, смело шагнул в сторону от дороги — и снова попал в царство колючих кустов. Эх, опять этот терновник и караганник с шипами — злейшие враги моих необутых ног!

Потеряв во тьме направление, я долго с ожесточением барахтался среди колючек, проклиная острые иглы шипов и ночь.

Конечно, горестно вздыхал я, лучше всего ехать по этим местам в дневную пору верхом на жеребчике или бычке и отхлестывать кнутом злые ветки, норовящие вонзить свои шипы то в одну, то в другую ногу, или того лучше, молотить их на обе стороны увесистой дубиной. Однако сейчас со мною не было ни кнута, ни дубины..

Сколько прошло времени в этой иступленной, но бесплодной борьбе с колючками, трудно сказать. Обессиленный, я в конце концов

примостился у кочки, поросшей высоким ковылем. Тут я передохнул, подавил свою злость, и весь обратился в слух.

В головках дерису шелестел и затихал ветерок, и назойливый бубен продолжал гудеть в ушах, словно прочесывая мои волосы холодным гребнем. . . Вот над головою прошелестел утиный выводок – как будто кто-то вблизи взял протяжную ноту на хомусе. Я понял, что крылатые любители спелых зерен летят к верхним аалам, в горы, где хлеба еще стоят на корню. Помните, в ту пору хлеб выдергивали руками и редко кто еще жал его серпом, а потому уборка полей затягивалась до поздней осени.

Вдруг где-то на краю земли, как раскаты далекого-далекого грома, зазвучало до того незнакомое, что я встрепенулся. Сперва я ничего не увидел, но через минуту в кромешной тьме блеснул полосой луч света. . . Я приподнялся из-за кустов на цыпочках, вытянул шею, вперил взгляд в неведомый чудесный свет, который казался мне уже не полосой, а круглым огненным глазом.

— Полный месяц взошел с верховьев реки? – в недоумении и смятении зашептала. – Но почему он, не поднявшись в небо, летит вниз, бежит по земле?.. Исчез! Нет, это не луна. Вот опять летит!.. Человек с огнем?.. Нет, все-таки луна. Огонь рыжий.. Ага, падучая звезда! Круглая, чуть желтоватая. . .

Но и эту последнюю догадку пришлось отвергнуть: свет не угасал, а продолжал скользить по земле.

Я ощупал ладонями свое израненное горящее лицо и начал осторожно продвигаться к дороге. Снова забормотал:

— Кто это? Албыс-шулбус? Ведьма-русалка? Кого же я сейчас повстречаю, какого дьявола?

Вспомнил, что в этих случаях полагается шептать молитвы или напевать вполголоса что-нибудь из тибетских священных заклинаний. Но я не знал ни того, ни другого. От людей я слышал, что существует богиня Тарина, знал несколько тибетских слов, смысла которых в нашем аале никто не мог объяснить. И я стал нараспев произносить их, мешая тибетскую мудрость с именами наших горных и степных духов.

И вот передо мною предстало божество, которому я так усердно молился. Сначала я услышал, как оно зафыркало и загрохотало.

Вслед за тем не то на земле, не то на небе, но только очень близко от меня вспыхнули два больших глаза, две круглые луны. А за ними я разглядел какую-то черную трясущуюся громаду. Те яркие глаза струили широкие ручьи света, и, обернувшись, я увидел выхваченный из тьмы освещенный лужок, а еще дальше – островки караганника в сплошном море ковыля.

Я уже стоял на дороге. Нетрудно было сообразить, что черное глазастое чудовище приближается ко мне. Но какое там “приближается” — рвется и при этом громко плачет!

Остолбенелый, онемевший от страха и любопытства, я вижу, как травы и кусты, вспыхивая на миг в лучистом свете, отбегают в сторону,

тонут во мраке ночи... Поникая близ дороги ветла затрепетала в ярких лучах и – скрылась... Оглянулся на лужок – он колышется, как шелк, разостланный по земле...

Я стою, раскрыв рот, и не могу вскрикнуть.

Остаются мгновения – надо скорее уступать дорогу! Я кидаюсь в сторону, но... разве найдется мне место даже на обочине?! Нет, здесь стоять немислимо!

В эти мгновения я чувствовал себя мальком, выброшенным волною на берег: сколько ни подпрыгивай, далеко не ускачеши.

И было уже поздно уходить. Поздно! Над обочинами – той и другой – чудовище распростерло блестящие, как панцирь жука, черные крылья. Оно притирает ими к земле покрытые мраком колкие кусты, отбрасывает их от себя, будто косит без забора, и ревет, заглушая все воздушные бубны и всех чертей на свете.

“Так вот она, огненная телега!” — молнией пронеслось у меня в голове.

И я бросился от нее наутек – вперед по освещенной дороге.

Но разве убежишь, когда она с грохотом гонится за тобою по пятам и вот-вот достигнет? Я вижу, как моя тень, словно неуклюжая лягушка, еле ползет по укатанному тракту, подпрыгивая на толстых ногах. И вот над моей головой, сзади, раздается пронзительное ржанье:

— Тут-ту-ту!

Я резко оборачиваюсь – передо мной, содрогаясь могучим телом, оглушая меня ревом и ржаньем, стоит она, таинственная телега, о встрече с которой я так долго мечтал. Она оскалила зубы, прикусила какую-то железную перекладину, а между висками у нее выпучены горящие глаза.

Я не сразу сообразил, что чудо-телега остановилась, растопырил ноги, затрясся, заревел что есть силы:

— Помилуйте, не губите! Не трогайте меня, маленького бедняка! Э-э-э!

— Что с тобой, паренек? – произнес сверху, со спины телеги-чудища голос по-русски. – Не можешь свернуть с освещенной дороги? Эх ты, суслик-гушканчик!

Голос был добрый, чуть насмешливый. Однако я продолжал трястись всем телом, лязгать зубами.

— Ой, не подходите! – опять завопил я, но уже по-русски. – Кто такие! Огненная телега?

— Вот-вот! Угадал! – ответил мне тот же голос. – Огненная телега... чичан, автомобиль. Понял?

Тут из жабер чудовища вылез и направился ко мне чумазый земляк-тувинец в полушубке со стеклянными крышками на глазах.

— Не бойся! Не бойся! – заговорил он на родном языке. – Ты что, в своем уме, парень? Утри-ка сперва сопли.

— Ой-ой, не подходи! – истошно заорал я, рванулся в сторону от света и, обо что-то спотыкнувшись, упал ничем на землю.

— Не трогай его! – послышался с огненной телеги новый голос. – Видать, мальчишка ошалел с перепугу.

Стеклянные глаза склонились надо мною:

— Ну, не бойся же, парнишка! Мы ничего плохого тебе не сделаем... Где твой аал?

Подошел второй, русский.

Я не мог толком отвечать на вопросы этих загадочных для меня людей, но уже чувствовал, что они и впрямь хорошие, добрые и не собираются губить меня, а совсем наоборот – хотят помочь.

— Поехали! – сказал земляк-тувинец.

Оба подхватили меня под руки, и я очутился за железными жабрами рядом с земляком, перед которым торчало на палке какое-то круглое колесо.

Он положил на него руки, что-то там двинул ногами. Телега затарахтела, тронулась с места – и покатила.

Волнение мое понемногу улеглось. Я с любопытством стал осматриваться. Оказалось, что спина у телеги плоская, зад – овечий, колеса – как рога у матерого горного барана. С одного бока, на подколенке, мерцает кровавое пятно... На ходу чудо-телега издает хлопающие звуки и при этом дымит.

Освещая впереди себя всю долину и будто дробя и растирая в прах встречные кусты на обочинах, телега бежала все быстрее и быстрее... “Отчего же она помиловала меня? – спрашивал я себя в недоумении. – Это лгунишка Баву, конечно, наврал насчет шамана. Я обойдусь без колдовской помощи!”

Когда до нашего аала оставалось уже не так далеко, я попросил земляка отпустить меня.

И вот снова я на земле. Телега умчалась вперед. Я опять один в темноте...

Долго шагал я мокрой луговиной в сторону от дороги и очень устал. Ноги мои передвигались с трудом, икры дрожали. Наконец я набрел на стог, забрался по толстой, приставленной к нему жердине наверх и с наслаждением растянулся на свежескошенной пахучей и мягкой траве.

Не спалось. На сердце было уже легко, но хотелось разобраться в том, что произошло со мною только что на тракте. Мысли беспорядочной толпой теснились в голове, и оттого, должно быть, она казалась тяжелой как никогда раньше.

Не совладев с беспокойными думами и разноречивыми чувствами, я стал тихо ощупывать пальцами лицо, голову, грудь, бока, ноги. В одних местах колет и щиплет, в других – зудит и жжет. К тому же ломит плечо: очевидно, ушиб, падая на тракте перед машиной... Впрочем, все это сущие пустяки... я увидел то, что так страстно хотел увидеть, и остался цел!

От моего недавнего беспамьяства и страха остались сейчас лишь усталость да зябкая дрожь.

— Видел! Знаю! – прошептал я. – Теперь будет что рассказать людям!

Эта мысль подбодрила меня, словно придала мне силы. Я даже посмеялся над собою: “Эх ты, бедняга! Ну, кто мешал тебе перекинуться с очкастым земляком двумя-тремя дельными словами, порасспросить у него об огненной телеге?”

Вконец измучившись, я взбил на верхушке стога травяную постель, зарылся в нее и неприметно заснул.

А когда проснулся, солнце уже начинало свой обычный путь у края бледного осеннего неба.

Чудесное ясное утро!

Вот там, на взгорье, кто-то в одиночку веет зерно на своем шане, крохотном поле в четверть десятины. Почудилось, что это не человек, а крошка-суслик, и не хлеб и солома перед ним, а кучки песку перед суслицей норую.

С ближнего шана, навьючив на оседланного вола весь свой урожай, понуро бредут к дороге мужчина и мальчик, видно, отец с сыном.

Долины речек и крутояры, где бежал я в сумерках и ночью, кажутся мне сейчас с высоты стога такими просторными и красивыми. Какие дали распахнулись передо мною!

Я любовался картинами родной природы до тех пор, пока мне в голову не пришла внезапная горькая мысль: “А ведь на этой нарядной золотистой земле с голубыми излучинами рек нынче летом свирепствовали суховеи, посеvy глушила мелкая тимофеевка с польнью, реденькие хлеба потравили птицы и саранча.. И вот самый большой урожай – на одном выюке, а похуже – на собственной спине”.

Мне стало горько, но я был еще слишком юн, чтобы долго предаваться печали. В конце концов, я победил страх перед огненной телегой, первый в своем аале прокатился на ней!

— Будет что порассказать людям! – повторил я вслух.

С этими словами я спрыгнул со стога и со всех ног побежал домой. Это первое знакомство с чичаном решило мою судьбу: вскоре сирота Адавастай навсегда покинул юрту своих временных родителей и отправился на курсы трактористов..

Вы спрашиваете: где теперь тот земляк в больших шоферских очках? Чего не знаю, того не знаю. Я никогда потом не встречал его. Но разве забыть того, кто вошел в твою душу как первый учитель?.. Да-да, именно учитель! Он развеял в моем сердце страх. Слов нет, сделал он немного: посадил в машину, ласково потрепал в кабине мои вихры, а на прощанье подбодрил хорошим обнадеживающим словом: “Вот вырастешь большой, сядешь за руль на мое место”. По-вашему, этого мало, чтобы называться учителем?

Перевод И. Чернева и А. Темира

ТАЕЖНЫЕ НОВШЕСТВА

(главы из повести "След в тайге")

За какие-то десять дней головная геологоразведочная партия успела перебазироваться на Бустуг-Чарык. По-настоящему оживила вековая глухая тайга. А народу понаехало — уйма! И работа закипела сразу, минуя стадии раскочки. Одни вырубают лес и расчищают посадочную площадку для приема самолетов. Другие строят временное жилье, делают дороги, мосты, копают разведочные канавы и шурфы. Третьи таскают на себе теодолиты, полосатые рейки и прочие геодезические инструменты. Они, видимо, ведут крупномасштабную топографическую съемку местности. Все это началось так внезапно и дружно, что просто диву даешься! Учтите, раньше здесь никто, кроме муравьев, не занимался коллективным трудом. А теперь вся тайга гудит. По всему видно, что люди основательно взялись за ее освоение. В тайге появились радио, кинопередвижка, библиотечка. Это меня радует.

Обо всем этом я говорю не ради красного словца, а для того, чтобы подчеркнуть, с какой ошеломляющей быстротой проникает современная цивилизация в необжитые уголки земли. Это тоже одно из чудес нашего времени!

А между тем сегодня утром состоялась у нас встреча с мохнатым и сердитым хозяином тайги. Один незадачливый любитель ранних грибов на лесной гари почти лицом к лицу столкнулся с медведем, перепугался до смерти и, напролом продираясь через густые заросли багульника, весь исцарапался. Прибежав в свою палатку, еле-еле отдышался. Вот какие казусы бывают в тайге! В связи с этим происшествием здесь вывешены объявления: "Всем, всем, всем! Строго воспрещается отходить далеко от лагеря поодиночке — опасно!" Что верно, то верно: тайга есть тайга, с ней шутки плохи...

Мы с Фомичом целыми днями все еще шатаемся по окрестностям. В лагере только ночуем. Надо сказать, в настоящее время мы находимся в щекотливом положении. Как ни странно, основная масса людей чуждается нас, сторонится. В этом повинны не мы сами, а руда. Многие, особенно рабочие, считают нас чуть ли не гениями, близко к нам не подходят, не осмеливаются заговорить с нами. Вот так давит на психику простых, хороших людей слава первооткрывателя! Мы невольно стали их кумирами. Смех, да и только! Не знаю, как Фомич, а я лично постоянно испытываю мучительное смущение от всеобщего уважения, оказываемого моей скромной персоне. Правда, что шапка Мономаха тяжела!..

Сами геологи не церемонятся с нами. То и дело пристают к Фомичу: "Ну, дядя Степа, когда обмывать будем твою руду? Не скупись на шампанское, пусть льется рекой!.." В таких случаях Фомич обычно молчит, как будто воды в рот набрал. А мне в шутку советуют: "Шулуу, когда поедельь обратно, прихвати с собой мешок руды. И там в Москве

по кусочку раздавай девушкам как сувениры..." Грешным делом, сознаюсь, сперва даже принял было решение воспользоваться этим советом, но потом, одумавшись, отказался от такого намерения. И, думаю, правильно сделал...

Наконец-то вызвал меня к себе начальник партии, очень подтянутый, интеллигентный человек средних лет. В начале беседы он поинтересовался, доволен ли я прохождением практики, нуждаюсь ли в чем-нибудь, какая мне требуется помощь, выразил готовность оказать любую помощь. Затем, уже в официальном порядке, поручил мне срочно сделать технико-экономические расчеты, касающиеся выбора оптимального варианта размещения трех буровых станков на определенной, сильно пересеченной территории, причем в условиях бездорожья. Непосвященному человеку формулировка задания может показаться пугающе длинной и витиеватой, но на самом деле это не так. Работа довольно простая. Поручение я выполнил вовремя, чем заслужил одобрение начальника. Для студента-практиканта это большое дело. Полагаю, мне уже обеспечена отличная характеристика в конце практики.

Как-то начальник партии показал мне копию телеграммы, посланной в управление: "Врачи Макушенко зпт Аккыс нащупали мощный пульс тчк Диагноз положительный..." Речь идет о нашей находке, взбудоражившей всю тайгу. То, что нас окрестили врачами, меня рассмешило, а все остальное вызвало в моем сердце гордость и удовлетворение. "Смех смехом, а сообщение-то чрезвычайно важно! — думал я. — Чего доброго, оно может дойти до самого министра. Открыть месторождение главного металла двадцатого космического века удастся не каждому! За такое дело государственную премию присуждают. И мой скромный вклад, может быть, со временем будет достойно оценен?..." Это, конечно, плод моего неумного воображения, фантазия чистейшей воды. Да, фантазирую, но не вижу в этом ничего зазорного. Эту фантазию совсем пустой назвать нельзя. Не зря же зашумела тайга. Дыма без огня не бывает...

НОЧНОЙ ДИАЛОГ

Чего греха таить, вчера мы поленились возвращаться в лагерь, решили ночевать в тайге, на свежем воздухе. Вечером, после моей удачной рыбалки, наварили ухи, плотно поужинали и перед сном, как всегда, занялись писаниной. Вдруг из крошечной темноты леса вынырнул незнакомый человек. Пожилой, седовласый, с морщинистым лицом туwineц учтиво поздоровался с нами, сел, ловко подвернув под себя ноги, и, медленно раскуривая трубку, откровенно любовался замечательной курчатовской бородой Фомича. Затем, по-детски простодушно хихикая, спросил:

— Киолок? Хи-хи-хи...

— Да, я геолог. Вы кто будете? — осторожничает Фомич.

— Я Бараан Назыты, эгирь, охотовед, — с достоинством отвечает приходец.

Несмотря на свою молодость я знал многих людей, но человека с таким веселым и общительным нравом видел впервые. Понимаете, не прошло и пяти минут, а наш ночной гость уже ведет себя так, как будто вместе с нами полсвета обошел. А говорлив и подвижен он — бесподобно! Ни секунды не сидит спокойно: то ораторствует без умолку, то заразительно смеется, то шарится в своем дорожном мешке, то костер шурует... Между прочим, он не болтун, а превосходный рассказчик. Именно этим качеством Бараан Назыты сильно понравился Фомичу, прирожденному любознайке. Через полчаса они так крепко подружились, что оба души не чаяли друг в друге.

И вот Бараан Назыты достает из внутреннего кармана пиджака кошелек, из кошелька бережно извлекает маленький осколок камня и, многозначительно подмигнув, говорит:

— Истепан, карашо, а, хи-хи-хи!.. Скажи, что это?

Хорошего было мало. Я издала одним мимолетным взглядом опознал, что это пирит — темно-зеленый, сверкающий, очень красивый минерал, только и всего. Нас, геологов, он совершенно не интересует. Да и вообще ценность пирита как минерального сырья практически равна нулю. Содержит он понемножку железа, меди и серы. А Бараан Назыты об этом, конечно, не знает. Он думает, что у него в руках сокровище. Как известно, не все то золото, что блестит. И этой хрестоматийной истины, к сожалению, не знает мой старый земляк. Его ввел в заблуждение эффектный внешний вид пирита.

— Хорошо, хорошо! — просто из вежливости соглашается Фомич и спрашивает: — Где ты его нашел?

— Нэт, нэт, нэт, не знаю! — закричал Бараан Назыты.

Хитрит старый охотник. Знает он место, где лежал пирит, но сознательно скрывает от нас. Я не думаю, что Бараан Назыты считает нас жуликами. Нет и нет, боже упаси, я далек от такой кощунственной мысли! Я отлично понимаю, что Бараан Назыты проявляет опасение из-за боязни продешевить со своим мнимым сокровищем. Это не позорительность, а бдительность. Кроме того, Бараан Назыты, вероятно, и слыхом не слыхал о промышленном и экономическом шпионаже, а все-таки каким-то шестым чувством, чисто интуитивно догадывается о нежелательных последствиях потери приоритета первооткрывателя. Башковитый мужик, ничего не скажешь, однако мне обидно за то, что он ни черта не смыслит в минералогии. Поэтому я счел нужным сказать, что пирит — это суцая безделушка. С этой целью даже открыл было рот, но мудрый Фомич опередил меня, не дал высказать хлесткую правду. Ему, видимо, не хотелось преждевременно разочаровывать хорошего человека. Как вы думаете, что это, обман или благоразумие? Я лично склонен считать, что обмана здесь нет. Судите сами, в данном конкретном случае стоит ли так безжалостно разлучать человека с его надеждой, тем самым нанося ему жестокую

душевную травму? По-моему, не стоит. Мне кажется, в житейских мелочах иногда допустимо руководствоваться моралью типа "чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало". Так вот, Бараан Назыты пока, до поры до времени, пусть не расстается со своей надеждой. Это ни ему самому, и никому другому не вредит...

Смотрю на часы, уже полночь, а новоявленные друзья допивают третий чайник. Между ними идет беспорядочный, как говорится, ни о чем и обо всем диалог, а я честно и добросовестно выполняю обязанности переводчика.

— Истепан, — кричит Бараан Назыты, — я знаю одно место. Удивительное, загадочное это место! В старину люди даже называли это место заколдованным, нечистым. Понимаешь, кругом еще снег лежит, а на том месте снега нет. Почему так, а? Может быть, под этим местом есть вулкан?

Прежде чем ответить на этот наивный вопрос, Фомичу почему-то потребовалось уточнение:

— Скажи, Бараан, там норы есть?

— Какие норы?

— Обыкновенные норы.

— Есть норы, — утвердительно кивает головой Бараан Назыты, — есть. Когда-то я там ставил капканы на тарбаганов. Ой-ой-ой, какие красивые, жирные и вкусные тарбаганы были тогда, а сейчас их мало стало, совсем мало, — горестно вздыхает и цокает языком старый охотник. По всему видно, что и его не на шутку тревожат крайне негативные экологические проблемы современного мира.

— Понятно! Так и должно быть, грызуны любят такие места, — скорее для себя, чем для собеседника, вслух отмечает Фомич и продолжает: — Бараан, ты видел около этих нор, на сурчинах, кусочки черного камня?

— Нет, Истепан, не видел, вообще-то не помню, давно это было, — признается Бараан Назыты.

— А ты съезди туда еще разок, не ленись, посмотри получше, — настаивает Фомич. — Вполне возможно, что в том месте, о котором ты говоришь, есть каменный уголь, а твое предположение насчет вулкана мягко говоря, просто смешное заблуждение...

Да, Фомич совершенно прав. Геологами давно замечено, что на выходах угольных пластов снег тает быстрее, чем на окружающей местности. Тут никакой мистики нет, и вулканизм тоже ни при чем. Здесь главную роль играет всемогущая химия. Дело в том, что на контактной зоне пласта с земной поверхностью происходит медленная реакция окисления угля, за счет чего и выделяется тепло, создающее разность температур. Вот и вся загадка. Я попытался в доступной форме объяснить суть этого процесса Бараану Назыты, но он не понял меня и поспешил задать Фомичу новый вопрос:

— Истепан, ты не сомневаешься в честности моего покойного деда?

— Ты что, Бараан, белены объелся?— искренне удивился Фомич — С чего я сомневался бы, если сроду в глаза не видел твоего деда? Что за нелепый вопрос?

— Хи-хи-хи, а я сомневаюсь, — весело улыбается Бараан Назыты.

— Почему? Говори, в чем дело, не тяни!— глухим гортанным басом повелительно рычит Фомич.

Бараан Назыты снова раскурлил потухшую трубку и неторопливо начал:

— Мой дед рассказывал, что в далекой тайге есть пещера, а с потолка этой пещеры свисают нитки, на которых нанизаны стеклянные шарики всевозможных цветов: красные, желтые, зеленые, синие, оранжевые. Одним словом, зрелище потрясающее! Что это, вранье?..

— Нет, милый мой, это совсем не вранье! Кстати, когда ты слышал про эту пещеру?

— Э-эз, Истепан, тогда я еще глупым мальчонкой был, потому и верил всяким небылицам. А теперь постарел, поуменел, стал много думать о прошлой своей жизни. Ведь мне, Истепан, грех жаловаться на прожитые годы. Я своими глазами видел крах строя, крушение феодализма, мне довелось быть живым свидетелем и активным участником невиданного процветания родной и любимой тувинской земли. В моей памяти сохранилось бесчисленное множество интересных, приятных и незабываемо ярких воспоминаний, но в памяти остались и такие эпизоды, которые сейчас вызывают смех, недоумение, раздражение и сомнение. Мне особенно трудно, невыносимо больно становится тогда, когда волей-неволей приходится подвергать сомнению слова, услышанные мною от своего деда. Но что же дальше, если...

— Подожди ты, умный человек, — вдруг сердито вмешался в философский, я бы даже сказал, патетический монолог друга Фомич.— Не городи напраслину на своего деда. Он не лгун, он честнее нас обоих, вместе взятых, понял! Я ему завидую, потому что ему посчастливилось наблюдать редчайшее явление! Знаешь ли ты, что свисало со свода пещеры? Это не разноцветные гирлянды, как ты говоришь, а сосульки кристаллов. Придумать такое лишь только для того, чтобы похвастаться перед пацаном, невозможно. Еще раз повторю тебе — невозможно! Это нужно видеть воочию. И твой дед видел...

Далее Фомич горяча прочел целую научно-популярную лекцию о сталактитах, о чрезвычайно сложном механизме кристаллообразования. Бараан Назыты внимательно слушал эту лекцию, но, мне кажется, так ничего и не понял. Как вы думаете, сумел ли Фомич своей лекцией рассеять мучительные сомнения друга? Я лично в этом сомневаюсь...

Диалог продолжался, а я чертовски устал. Где-то под утро Бараан Назыты допустил небольшую оплошность, не ко времени занявшись чисткой своей длинной таволговой самодельной трубки. Замолчал он всего на одну минуту, но Фомичу и этой мизерной паузы было достаточно, чтобы перехватить инициативу. Став хозяином положения, Фомич

умело изменил ход беседы в нужном для себя направлении, одновременно вынудив Бараана Назыты перейти на пассивную позицию отвечающего. Как я ожидал, Фомича интересовали главным образом вопросы этнографии, географии и топонимии. Прежде всего он выяснил происхождение названий местных рек, озер, горных вершин. Оказалось, что речка Бустуг-Чарык зимой не замерзает и при сильных морозах парит. Отсюда и произошло ее название, которое в переводе на русский язык означает "Дымящееся ущелье". Название Даш-Балык переводится "Каменная рыба". По словам Бараана Назыты, когда-то в пойме Даш-Балыка люди находили камни, похожие на рыб. Я думаю, что это просто легенда, на которую даже не стоит обращать внимания. А Фомич почему-то принял эту легенду, как говорится, за чистую монету и аккуратно записал в свою тетрадь. Более того, ему непременно захотелось узнать, есть ли подобные находки у кого-нибудь из местных жителей, если есть, то не подскажет ли Бараан Назыты, каким способом можно достать хотя бы один экземпляр.

Не пойму я, зачем, для чего понадобилась Фомичу каменная рыба? И годовалому ребенку ясно, что из нее уху не сварить. Кроме того, ее хоть пять лет держи в бочке, все равно не усолится. Короче говоря, бесполезная вещь. Ладно, добро еще, если бы мы были археологами, а мы геологи, у нас совершенно иные задачи, совершенно иная сфера деятельности, совершенно другой предмет исследования. Да, опять чудит Фомич, такая уж у него натура, что временами он нет-нет да и выкидывает оригинальные номера!..

Бараан Назыты, безусловно, самобытный и крупный знаток фольклора. Тувинские пословицы и поговорки, загадки и короткие, поучительные детские сказки так и лились из его уст, словно чистый, прозрачный ручеек из целебного источника. А неугомонный и чудаковатый Фомич все это дотошно записывал, в лихорадочной спешке то и дело обламывая грифельный сердечный карандаш. Затем Бараан Назыты продемонстрировал свое вокальное мастерство, с большим старением исполнив старинную тувинскую охотничью песню. Качество исполнения, прямо скажу, было скверное. В общем-то это объяснимо, если учесть то обстоятельство, что солист никогда не обучался в консерватории, не знаком с законами аранжировки. Зато Фомич, к моему удивлению, восторженно аплодировал таежному артисту, долго и почтительно хлопая широченными ладонями перед самым его носом. Забавный эпизод, не правда ли?..

В это самое время я почти уже спал, сонно отмахиваясь от назойливого, как муха, Фомича, упорно требовавшего дословно перевести ему текст песни. Я, не соображая ничего, впал в дремоту. Сейчас я даже не представляю себе, как они, друзья-полуночники, обходились без меня, на каком языке изъяснялись. Шумели и разговаривали они до утра. Проснулся я от резкого крика Бараана Назыты:

— Истепан, кто большой киолок? — спрашивает он.

Фомич назвал фамилию начальника партии.

— Кароший человек? — интересуется старый охотник.

— Замечательный человек, — отвечает Фомич.

Через несколько минут Бараан Назыты распрощался с нами и пошел в наш лагерь. Там он, конечно, кому-то снова покажет свой пирит. Это для гарантии. Надеется старик на что-то. Эх, мечты, мечты, где ваша сладость!..

* * *

Сегодня мы обследовали русло одной безымянной речушки. Маршрут легкий, короткий и неинтересный, идти по нему — скука одна. И Фомич шел какой-то угрюмый, хмурый, наглухо замкнутый в свои думы. Очевидно, он все еще находится под впечатлением ночного разговора, внутренне остро переживает разлуку с хорошим собеседником. Я пытался развеселить его смешными репликами, но ничего не вышло. Фомич или рассеянно отмалчивался, или раздраженно бурчал: "В огороде бузина, в Киеве дядька..." Это значит, не приставай, мол, ко мне, без тебя тошно!..

Несколько минут назад мы видели медвежий след. След свежий, неторопливый, без признаков беспокойства. Как и подобает хозяину, медведь прошел гордо и смело, не чувствуя никакой опасности. Я долго смотрел на этот след и ничего особенного не нашел. След как след, и все тут! В конце концов мы тоже оставили в этой тайге след. И по нашим следам сюда, в богом забытые места, уже пришли люди, техника и цивилизация. Это самое главное!

Куулар ЧЕРЛИГ-ООЛ

КАК ПОБЕДИТЬ ТЕМНОТУ?

(Главы из повести "Шораан".

Начало в журн. №4, 2001, №2, 2002.)

Этот вопрос мучил не только Шораана, но и его приятелей, и учителей. Классный руководитель Бакаан, чтобы мальчик не отставал, каждый день назначал кого-нибудь из ребят помогать Шораану: вместе с ним выполнять домашние задания, читать книги, а в свободное время даже ходить в кино.

Звуковое оформление фильмов открыло слепому мальчику очень многое. Ведь чтобы понять происходящие на экране события, самое главное – усвоить диалог. И второе – музыка! Она помогала проникнуть в суть борьбы между силами добра и зла, до дрожи обостряла восприятие. И слушая музыку, Шораан как что-то свое, собственное, ощущал состояние души и особенности характеров действующих лиц, любимых и нелюбимых героев.

После кино, вернувшись в интернат, мальчики всегда горячо обсуждали увиденное. При этом нередко выяснялось, что некоторые, совсем уж неразвитые, плохо или совсем не усвоили содержание фильма. А вот Шораан, который ничего не видел, а только слышал, всегда понимал все! А уж музыку-то он запоминал от первой до последней ноты.

Когда показывали немое кино, товарищи просто пересказывали его Шораану: "Спартак парень здоровый, с бронзовыми мускулами, как верблюд... Наблюдает бой между длинным негром и гладиаторами. Негр тоже смотрит на Спартака.... Ну-ка, пошел в бой! У негра – трезубец с длинной рукояткой и сетка, чтобы набрасывать на врага. Уе! Негр промахнулся. Те-те, Спартак схватил за трезубец! Борются. Ух, негр пнул, Спартак упал на спину. А теперь прижал его к забору, и-ий! Поднес трезубец к горлу...".

Лучше всех пересказывал фильмы Кечил, ничего не пропускал! Будто спортивный комментатор с международного матча по футболу. А чтобы не мешать другим, он клал подбородок на плечо Шораана и строчил шепотом прямо ему в ухо.

И только когда на экране начинались совсем уж волнующие события, он от возбуждения и азарта совершенно терял контроль над собой: и дергал, и щипал, и даже пинал Шораана.

Ребята просто восхищались тем, как прекрасно все понимал и запоминал их слепой друг. Особенно удивительным было то, как быстро он возводил числа в квадрат. Здесь, конечно, не обошлось без учителя Хайлака. Ведь это он занимался с Шорааном по особой методике, и скоро его питомец стал по математике одним из лучших.

А память у Шораана была от бога. Возможно, взамен отнятого зрения. Даже то, что он слышал только раз, запоминал навсегда. Он учил не только русский, но и немецкий язык. Его любознательный ум не пропускал никакой информации. Новые слова и понятия, будто семена могучих лиственниц, упавшие в плодородную почву, схватывались крепкими корнями и, выбрасывая зеленый побег, тянулись ввысь. Вот так учился слепой мальчик.

Шораан навсегда запомнил, как одноклассники, перебивая друг друга, читали ему "Повесть о настоящем человеке" Бориса Полевого. Никогда он не испытывал такого душевного волнения: шло настоящее состязание по художественному чтению. Даже дежурный учитель тихо зашел в комнату, молча сел в сторонке и с удовольствием начал слушать.

Каждый старался как можно выразительнее и четче выговаривать слова, останавливались на точках и запятых, делали длинные и короткие паузы, убыстряли и замедляли темп, повышали и понижали тембр голоса.... О-о, выразительное чтение – это очень красивое занятие с множеством удивительных загадок!

Закончив свою часть текста, Сесер-оол облегченно вздохнет. Его ошибки и недочеты разберут старшеклассники, а дежурный учитель

даст все необходимые советы. Потом спросят мнение других слушателей. Кто читал лучше, кто – хуже! Кто читал лучше всех? А в конце обсуждения пять человек проголосуют и поставят чтецам оценки. В общем, все было очень строго.

Когда сидишь на одном месте, быстро устаешь, организм требует движения! Шораан всегда был очень подвижным: вот и сейчас, смотрите, крутит ворот колодца, одно за другим вытаскивая ведра с водой. Сесер-оол спрашивает его:

— Почему ведро плохо тонет в воде?

— Потому что плотность твердого тела меньше, чем плотность воды.

— Что тогда нам делать?

— Утяжелить ведро. Ну-ка, сбегай, принеси большой замок от столовой.

В те далекие годы дисциплина в интернате была, как в армии. Подъем! – и все вскочили с коек, заправили их и выстроились на улице делать утреннюю зарядку. Потом – бегом в умывалку.

Куштааран с Шорааном, взявшись за руки, бегают, поднимают тяжелые гири или тянут тугие пружины – чего только не сделаешь для развития мускулатуры! К умывальнику Шораан идет безошибочно: слышит плеск воды. Уж чего-чего, а слуха ему не занимать.

— Какая холодная вода! Она случайно не замерзла? – приговаривает он, раздеваясь до пояса и обдаваясь ледяной утренней водой.

“Волчата растут, кусаясь, а ребята растут, сражаясь”, – говорят старики. Однажды утром Шораан, как всегда, плескался в умывальной, и тут к нему подошел Хорекпен. Подошел и спросил:

— Эй, мужик, что это у тебя между ног болтается?

— Я незрячий, но тело свое знаю. Ничего у меня не болтается, парень! – ответил Шораан. Поймал Хорекпена, сильно сдавил его и добавил: – Так больше со мной не шути, понял?

— Ой-ой, слепыш ты жалкий, задумал меня учить! Напугал, ага, – огрызнулся Хорекпен.

— За что ты оскорбляешь меня? При чем здесь мои глаза? Чего я тебе плохого сделал? – Шораан побагровел от унижения. Потом, резко выбросив руки вперед, настиг Хорекпена и схватил его. Хорекпен, ничего такого не ожидавший, изо всех сил ударил Шораана кулаком по лицу. Шораан в ответ закатил ему здоровенную затрещину.

Сбежавшиеся ребята едва их растащили. Хорекпена схватили, скрутили:

— Ты чего бьешь слепого, дурак?

— Он не слепой, он притворяется! Он видит! Схватил меня, ударил! Ой, как больно, больно!

— Не ври! Ты первый начал!

— Хорекпен всегда такой! Выскочка, забияка!

В разгар скандала прибежал Куштааран с большим пучком свежей крапивы.

— А ну, расступись! Иди сюда, Хорекпен! Я тебе покажу, как обижать моего лучшего друга! Снимай штаны!

Хорекпен, увидев Куштаарана с крапивой, мигом спустил пары. Но было уже поздно. Куштааран на совесть исполнил товарищеский долг: от всей души отстегал Хорекпена крапивой по мягкому месту под общий оглушительный хохот ребят.

А Шораану в тот день было очень плохо. На уроках он почти не слушал учителей. Сидел неподвижно, опустив голову. Он страдал не от боли, не от зловеще налившегося под глазом черно-фиолетового синяка, а от унижения: впервые так грязно и нагло оскорбили его слепоту.

Он давно не был дома. И вдруг вспомнил мать. И в его ушах тихо зазвучала ее песня о нем, словно осенние листья зашелестели под окнами:

Как мой сын, слепой с колыбели,
Среди людей проживет?
Что с ним случится на чужбине?
Тьма в глазах вместо света...

Эта песня, сложенная отчаявшимся материнским сердцем, словно больная птица, ударилась теперь в глухую стену человеческого непонимания и жестокости.

Как победить темноту?

Четвертая часть

ДОРОГА В МИР КНИГИ

Семилетку Шораан закончил отлично.

— Очень упорный паренек. Другие оценки поставить просто невозможно.

— Эх, если бы все дети были такими прилежными, — сказала инспектор Министерства просвещения Командрина и вздохнула. — Мне самой стало стыдно, что так мало знаю. Шораан показал, какие возможности скрыты в человеке. И все-таки давайте подумаем, как его отправить в Оренбург, в школу для слепых детей. Тогда он действительно совершит чудеса. Есть у него талант.

И вот 25 декабря 1952 года, в лютый мороз, завхоз Чаа-Хольской средней школы Олег Константинович Горкин, посадив Шораана в кабину грузовика, увез его за Саяны.

— Вы поезжайте обратно, домой. Следить за инвалидом - наша обязанность, — сказала Горкину проводница на Абаканской железнодорожной станции. — Мы хорошенько накажем оренбургским

проводникам, чтобы доставили мальчика прямо в школу. Не беспокойтесь!

Поезд, побухивая колесами, мчал через Сибирь. На каждой станции садились и выходили пассажиры. Не успеешь познакомиться, уже сходят. Много хилых, больных, увечных. Безногие, гремя костылями, просят пособить подняться в вагон. Христа ради умоляют о подаении: хоть несколько монет! Ээ-та, последствия войны, страдания народа...

Шораан не видел, но слышал, и всю эту боль пропускал через свое сердце. Он же не рыба-налим, чтобы таиться на мелководье у берега. Он тоже хочет участвовать в жизни. И пусть он переваливает горы, переплывает моря.

В послевоенное время люди как-то по иному, более чутко, что ли, относились друг к другу. Хотелось общения, близости, добра. Кудрявого, с высоким лбом слепого паренька полюбили сразу. Он так хорошо играл на баяне и мандолине, ехал учиться в такую даль от родного дома! Его грядущая судьба давала людям и пищу для размышлений, и бодрость духа, и надежду на лучшее будущее.

Очень долго, почти бесконечно, поезд, словно железный конь, мчался через Сибирь и ржал всю дорогу. Но наконец Шораан добрался-таки до города Чкалова. Так назывался нынешний Оренбург.

Школа для слепых детей находилась на улице Печенкина. Шораана опять посадили в первый класс. Стыдно и обидно парню шестнадцати лет сидеть среди семи – и восьмилеток. К тому же у него долго не ладилось с азбукой Брайля. У малышей пальчики гибкие, тоненькие, и читают они, словно зрячие, быстро и легко. А Шораан, с корявыми своими пальцами, пока найдет нужные буквы, да сложит в слова, а слова в предложение – детишки, как мышата в траве, тут как тут, уже прочитали страничку и перешли на другую, опережая взрослого дядю.

В общем, дети как всадники скачут, а Шораан плетется, словно на неповоротливом быке. Но что делать, он приехал в такую даль, чтобы получить образование. Надо стараться. И он, осунувшись, напрягая все силы, изучал письмо Брайля.

Учительница Анна Гавриловна заметила мучения Шораана, и, чтобы он немного отдохнул, начала отвлекать его разговором.

— Я сначала подумала, что вы совсем никудышный. И национальность вашу определить не смогла. Алтаец? Хакас? А может, казах? Или шорец? Так я гадала.

— Испугались, наверное, Анна Гавриловна, что измучаетесь со мной?

Учительница рассмеялась:

— Откуда вы? – спросила я.

— Из Тувы, — ответили.

— Из Тулы? — переспросила я

— Нет, из-за Саянских гор. Там есть страна –Тува.

— Вы сказали это на хорошем русском. Вот тогда у меня и пропали опасения. Я поняла, что вы – достаточно развитый человек.

— Да, у себя на родине закончил семь классов, Анна Гавриловна.

— Шораан, я здесь приклеила письмо, попробуйте прочитать, пожалуйста.

Слепой паренек, трогая руками статуэтку женщины, прочитал на приклеенной к ней бумажке с буквами – пупырышками слово “мама”. Потом начал читать другие слова, а дальше – предложения.

Однажды в столовой Шораан вспомнил слова учительницы о том, что его пальцы с детства не приучены определять что-либо на ощупь. Поэтому их чувствительность и низка. “Точно, возьму-ка в карман зернышки проса, и буду перебирать их пальцами. Точки Брайля размером такие же”.

Он выпросил у поваров горсточку проса.

— Зачем тебе, Толя? Сеять зимой собрался? – пошутили повара.

— Птичек хочу покормить, — ответил он.

— Ишь, какой сердобольный, — посмеялись молодые поварики. — Ты бы лучше нам чего-нибудь где-нибудь выпросил.

— У вас и так навалом, — отшутился Шораан. — А у птишек даже дома нет.

С этого дня он не вынимал руки из карманов. Словно буддийский монах, перебирающий четки, он перебирал в карманах зерна. Его пальцы покрылись волдырями, зато потом, когда зажили, стали чувствительными, как глаза. Не забывал он и алфавит Брайля и, в конце концов, неожиданно быстро выучил-таки это письмо. Так Шораан открыл себе дорогу в мир книги.

А когда с помощью все того же Брайля он начал изучать музыкальную грамоту, то радовался, как ребенок:

— Я теперь всю музыку приму в свое сердце!

В первую смену Шораан вместе с первоклашками продолжал совершенствоваться в письме Брайля, а во вторую учился по программе седьмого класса.

Завуч, заметив склонность Шораана к музыке, не послал мальчика ни в швейный цех, ни в столярную мастерскую, а прямо к преподавателю музыки Дугарину, в класс баяна.

НАЗИЯ

В Чаа-Хольской школе единственного слепого ученика жалели, старались ему помочь, следили, чтобы кто-нибудь не обидел. А на чужбине все по-другому. В спецшколе все слепые. Все равны. Некоторые даже драться лезли к Шораану. Поэтому жилось ему в Оренбурге первое время тяжело.

Технически интернат оснащен неплохо. Здесь есть все, что необходимо незрячему человеку для учебы, труда и отдыха.

— Твоему сверхчувствительному уху не нужны никакие аппараты. Зачем тебе привыкать к ним, Шораан? Если научишься четко

определять ритм жизни, будешь открыт и общителен, то люди станут твоими глазами, а музыка – дорогой к народу, — сказал учитель баяна Павел Степанович Дугарин. Вот что он завещал Шораану – на всю жизнь!

Создать музыку, нащупывая ноты на бумаге – все равно что пытаться оживить мертвую птицу и заставить ее петь. Настолько это трудная работа. Лишь по-настоящему талантливый и трудолюбивый человек может с ней справиться.

Пальцы Шораана поначалу тоже, как строптивый конь, не слушались хозяина. Уставали и шея, и спина, так невероятно трудился он над нотной бумагой. А потом случилось чудо: Шораан легко заиграл прелюдии Паганини и фуги Баха.

Наука, добытая нелегким трудом, — человеку новые крылья.

Шораан начал читать книги про великих музыкантов. И так увлеченно читал, что порой забывал поесть.

“Э-э, боже мой, если постоянно так сидеть и читать, можно горб нажить, — сказал он сам себе однажды. — Где мои кони-льжи? Дай-ка, сделаю пробежку!”

Льжню для слепых воспитанников проложили совершенно прямо, а там, где она поворачивала, протянули веревку. На льжне постоянно дежурили слабовидящие, чтобы в случае необходимости стать проводниками для слепых.

Когда Шораан приходил покататься, его всегда звала татарочка Назия – звонким, как колокольчик, голосом:

— Толя, беги за мной!

— Па, как ты здесь оказалась?

— Хочу быть тебе проводником. Дежурю сегодня. Или я тебе не нравлюсь?

— Почему не нравишься? Наоборот. А если замерзну?

— Если замерзнешь, мне тебя отогревать. Нет уж, дудки, я тебя не отогрею, а огрею вот этим холодным снегом.

— Нет, Назия, зачем снегом? Лучше отогрей меня, бедного брата.

— Ну-ка, вперед, бедный брат!

— Вперед! — крикнул Шоран.

Назия бежала впереди, и, чтобы Шораан лучше ориентировался, громко разговаривала и шуршала льжками.

— Шо-шо! Холодно, Назиата! Обними меня горячей!

— Горячее объятие надо заработать. Ха-ха! Сначала покажи свой бег. Вот так! Молодец! Не отставай!

Шораан, чтобы догнать девушку, не отставал ни на шаг! В конце льжни, на повороте, Назия замедлила бег, и в это время Шораан, ничего не подозревая, со всего размаху налетел на нее. Оба с шумом покатались в сугроб. Назия звонко хохотала и барахталась в снегу.

— Ты чего на меня наехал, Толя?

— Я же не видел..

— Ты притворился, хитрый! На, получай снег!

Шораан, делая вид, что защищается, попытался схватить руки девушки – и вдруг поймал ее горячие, полные груди.

— Убери руки, Толя!

Но он уже ощутил на своем лице дыхание татарочки. Обнял ее, потом отпустил, погладил нежные щеки. Девушка не сопротивилась. Тогда он, неожиданно для себя, крепко поцеловал ее в губы. Они, молодые, не чувствовали даже холодного снега под собой...

Несказанная радость наполнила сердце Шораана:

— Назия!

— Что?

— Ты меня видишь?

— Да. Я с близкого расстояния немного вижу. Твои волосы кудрявые и черные. Твои плечи широкие и могучие.

— А ты такая красивая, Назията! Я вижу тебя сердцем.

— Вон гундосые идут, Шораан! Засмеют нас, пошли отсюда!

— Дай руку, Назит! Хоп-па-а!

В специальной школе учились и глухие ребята. Они кичились тем, что видят, и презирали слепых. А слепые в отместку прозвали их гундосыми, потому что глухие не слышат своего голоса и не могут управлять его тембром. Короче, между слепыми и глухими – вражда. А атаман гундосых Коля Рыбак даже объявил себя ханом всего интерната.

Когда из далекой провинции, из медвежьего угла в спецшколу приехал слепой музыкант и своим талантом начал разрушать рыбаковскую сферу влияния, “хан” пришел в самое настоящее бешенство.

А уж сейчас, когда Назия с Шорааном, весело смеясь, вышли из леса, у Коли от злости затряслись все поджилки:

— Не пропустите момент, хлопцы!

И когда Шораан проходил мимо “гундосых”, кто-то из них поставил поперек его дороги лыжную палку. Слепой споткнулся и упал. Вокруг послышались вопли и злой смех:

— Старичок гнался за девкой и упал!

— Ай-яй, Шораан! Старик!

— Козел!

— Хо-хо! Слепой козел!

Шораан, поднявшись, направился на голос Рыбака. Назия попыталась встать между ними:

— Толя, не связывайся с идиотами! Они же нарочно все это делают!

— Я знаю, Назий. И я с ними рассчитуюсь

Шораан снял лыжи и бросил далеко в сугроб.

— Вы немного видите. А я совсем слепой. Только вместе не кидайтесь, по одному. Кому не терпится? А ну, нападай!

— О-о, слепой герой!

Шораан почувствовал стоящего впереди Рыбака и двинулся к нему. Сзади скрипнул снег, и двое встали, преграждая путь к отступлению. “Так, попал я в западню. Но ничего, даже льва можно победить умением, Шораан. Хоть и нет зрения, а слух мой где? Я же их прекрасно слышу по движениям. Будь внимательным, Шораан! А сила у тебя есть. Недаром тебя натаскивал сам Куштааран”.

Когда дыхание Рыбака послышалось совсем рядом, Шораан с расчетом попасть в челюсть выкинул вперед кулак. Зубы атамана хрустнули, и он, не проронив ни слова, упал в снег. Шораана сзади схватили сильные руки, но он, вспомнив один из приемов хуреша, с подсечкой бросил противника через плечо. Тот тоже не смог подняться после такого “полета”. А у Шораана сил сразу прибавилось.

Третий нападавший схватил за воротник, начал пинать и бить кулаками в лицо и по корпусу. Из рта противника запахло соленой рыбой. “А-а, так это же Савелий, дружок Рыбака”.

Когда дыхание гундосого вплотную приблизилось к лицу, Шораан ударил головой:

— Получай, чего хотел, селедка!

Драка на мгновение прекратилась. Слева закрипел снег. Высокий, плотный парень попытался связать ремнем руки Шораана. Рыбак! Поднялся. Оклемался, значит. “Хочет меня связать, потом утащить в лес, - подумал Шораан. – Нет уж, дудки!”

Он еще больше разгорячился, гортанно вскрикнул, а затем откинулся назад, зацепив правой ногой Рыбака, прыгнул в сторону и уронил противника в снег. Ремень теперь в руках Шораана. Он упал на Рыбака, который снова попытался подняться, быстро связал ему ноги и, хватаясь за деревья, потащил в лес. Дружки Рыбака видят только с близкого расстояния, он это знал. А здесь они уже ничего не увидят и не услышат.

В лесу Шораан припер “хана” к стволу ели и схватил его за горло.

— Говори, сволочь! Я тебе покажу слепого козла!

— Толя, прости, умираю! Больше никогда не буду так с тобой..

Послышался голос учителя Дугарина:

— Савелий, положи лыжу!

Оказывается, Назия сбегала в школу и привела Павла Степановича. Он и удержал драчуна, который уже готовился ударить тяжелой лыжей по голове Шораана.

Так наш незрячий герой показал, на что способен, если задета его гордость. Он один отбил групповое нападение, и после этого случая хулиганы раз и навсегда оставили его в покое.

А Назия, конечно, была без ума от Шораана, – ведь она нашла в нем защитника, благородного рыцаря Айвенго.

Еще одним неразлучным другом Шораана стал магнитофон. Слушая величественные и тревожные аккорды Баха, юноша думал: “Жизнь – это, оказывается, вечная борьба. На каждом шагу борьба. Даже в такой школе находятся противники. Почему так? Я думал, зрячие не

знают горя. Оказывается, знают. Паганини – сплошная борьба и страдания. О, какая смелая, какая могучая у него музыка! Его скрипка доподлинно сумела рассказать о его трагедии. Если бы не было музыки, жизнь стала бы невыносимой..”

Назия и музыка стали двумя крыльями Шораана. Плавая в бассейне, играя Шопена, он слышал нежный голос девушки, представлял тонкие, как ветки ивы, пальцы, черные, как смородина в росе, глаза. Назия жила в его сердце. И как Шораану вновь хотелось встретиться с ней!

Мир его музыки все расширялся и углублялся: этюды, пассажи, полонезы, прелюдии, фуги... И среди всех этих чудесных мелодий – главная, как первый цветок весны, подснежник – Назия.

Так перед Шорааном засияли две звезды – это музыка и Назия!

ПОСВЯЩУ ЧИСТОТУ МЕЛОДИИ СВОЕЙ

Тяжело, когда человек живет в чужой стороне, и захочется ему домой. Каждый раз, когда звенел школьный звонок, слепой юноша впадал в самую настоящую депрессию. Словно где-то далеко-далеко его мать, привязывая жеребенка с колокольчиком на шее и лаская, глядя его холку, думала: “Сын мой скоро вернется”. В такие моменты в душе до того сумбур, даже еда кажется безвкусной.

В интернате не сиделось, и Шораан пошел на лыжное поле. Первый признак весны: влажный ветерок погладил его лицо. Мокрый снег падал с веток в осевшие сугробы. Шораан, надев лыжи, два-три раза обежал дистанцию. Как гладко шли они по подтаявшему, влажному снегу! Бежали резво, будто северные собаки, торопящиеся домой. Эх, Назия, пришла бы ты сюда! Как хорошо, что нет городских мальчишек и “гундосых”, тишина кругом! Только птички шумят в лесу, выискивая прошлогодние шишки. Сколько можно быть одному? Шораан снова поплелся в интернат. И там никого – словно в сказке, пустой дворец. Все ушли в кино. Что за день сегодня, ничего не клеится. Прилечь, что ли?

Во влажном снегу его башмаки промокли, и Шораан стал мерзнуть. Он вспомнил маму, грея ноги у электрокамина. Когда растопишь буржуйку ветками лиственницы, принесенными из предгорий Чинге, они вспыхивают, словно сухой лишайник. Аромат смолы наполняет юрту. О, господи, однажды в детстве, когда мать доила коров, горящий уголек попал прямо в мою ватную фуфайку. Я не заметил этого, потому что жарил в огне курут и отковыривал с поленьев серу. Их запах заглушил запах горячей ваты. Как обожгут бок раскаленный уголь и горячая вата, как вскочу я с места! Зову маму, бегаю по снегу босиком! Когда бежал против ветра, вата еще больше разгорелась, даже сзади, между лопатками, вспыхнуло пламя.

— Сын мой горит, боже ты мой!

— Эвэ-эй! Ава-ай! Ача-ай!

Потом, ударившись о забор, я потерял сознание. А когда очнулся – сижу на коленях матери и дрожу.

Лежа в постели, Шораан немного отошел от усталости и озноба, согрелся и задремал. Его воспоминания продолжились во сне.

— Как противно пахнет, мама!

— Это навозом намазали твою обожженную спину, сынок, не шевелись. О, горе ты мое, что за судьба у тебя, мой маленький? Как ты в огонь-то угодил? Отец, не топи так сильно, от жары ему будет плохо. Дай-ка просо, накормим сына.

“О-о! Как вкусно есть жареное просо, вареное в молоке, да еще и с сахаром. Запах той каши все еще у меня во рту”.

— Больше сам не открывай дверцу печки, ладно, сынок? От влаги растет, от огня сгорает. Так говорят в народе. Огонь опаснее всего.

Шораан хоть и во сне, но побывал дома, успокоил истомившееся по родным сердце. Как здорово увидеть кусочки прошедшей жизни! Нет для человека ничего дороже родного дома и отца с матерью. Проснувшись, он все еще думал о них. Показалось, что побывал дома и вернулся.

Постучали в дверь. Шораан открыл. Свежий воздух ударил ему в лицо. Колокольчиком прозвенел голос Назии:

— Толя, я была на лыжне. Мне сказали, ты там.

— Да, но я давно уже вернулся. Назия, я видел во сне маму. Тебя я тоже все время вспоминал..

— Я домой ездила, Толик. Мои родители живут недалеко от Казани. Они меня скоро заберут отсюда.

— А я?

— Трудно, когда оба слепые. А такого парня, как ты, любая красавица возьмет. Вот увидишь.

— А я все равно тебя..

— Не говори так. Скоро я перестану видеть совсем. Врачи так сказали.

— Назий, зрячие вряд ли меня заметят. – Шораан обнял девушку и, целуя ее, заплакал. Ее щеки были прохладны, словно снег на лыжне. “Снежинка ты моя, Назия, где бы я ни был, посвящу тебе чистоту мелодии своей!”

— Не плачь, Толик! Помнишь, как ты побил гундосых? Вот так же преодолевай все другие преграды. Ты не теряешь свое мужское лицо, молодец! Я тебе дарю вот эту книгу. Пусть наша дружба останется такой же чистой, как белый снег.

Толстую, как плитка кирпичного чая, еще пахнущую типографской краской книгу Шораан узнал сразу:

Николо Паганини!

А на переплете татарская девушка Назия написала свои прощальные слова: “Юный друг, Шораанчик! Музыкай тревожь сердца людей. Не забудь следы наших лыж на первом снегу. Назията Нухова. 1964 г. Город Чкалов”.

Вскоре родители действительно увезли Назиату на родину. Прощаясь, она сказала: “Древняя Казань – родина многих музыкантов. Там родился сам великий Шалагин. Все время буду молиться духу этого города, чтобы он милосердно помогал моему юному тувинскому другу. Скоро я услышу твои песни по радио, Толик. Не горюй и не печалься, дружок!”.

А Шораан в ответ подарил ей книгу тувинских сказок. И написал: “Назиате, подруге моей, посвящаю чистоту своих мелодий”.

Назиата, взяв с собой “Чистоту мелодий” Шораана, уехала домой. Пламя первой любви навсегда обожгло юное сердце, навсегда осталось гореть в душе.

К НОВЫМ ВЫСОТАМ!

Оренбург летом утопает в зелени. словно толпа девчат в изумрудных сарафанах, окружает его лесной березовый массив. И еще одно: где бы мы ни услышали название этого города, обязательно вспомним песню: “Оренбургский пуховый платок”.

Шораан там провел два года своей юности, и это время не прошло для него даром. Он получил образование, участвуя в великой жизни славного Урала, где ковалось могущество Родины. Где бы он ни был: в толпе народа, на улице, на рынке – везде ощущалось дыхание больших перемен. Заводские гудки каждое утро будили юного человека и провожали на тропинку знаний и наук, словно звали его: “Вперед, Шораан! Вперед!”.

Он достиг очень больших успехов в изучении русского языка: освоил не только разговорный, но и специальные стили. Потом у него обнаружился еще один дар: умение очень рационально организовывать досуг. Среди слепых кого только нет – умельцы на все руки, певцы, шахматисты, мастера! Шораан быстро освоил шахматы, и скоро в школе про него стали говорить, как про очень сильного игрока.

После отъезда Назиы он невыносимо страдал. Порой, читая книгу, ловил себя на том, что не может вникнуть в ее содержание, – голова была занята другим. Не давали ему покоя мысли о любимой! То и дело вспоминались частушки, которые распевали парни и девушки во время сенокоса на Чаа-Хольских полях:

Нигде, нигде, нигде-то...

Что со мной случилось?

Чьи это чары опутали

Верное сердце мое?

Состояние Шораана заметил учитель, часто игравший с ним в шахматы.

— Толя, учеба требует от человека внимания. Это самое главное. Что с тобой происходит?

— Домой хочу, учитель.

— Полгода осталось, возьми себя в руки, нельзя так поддаваться эмоциям. Они тебя живьем сожрут. Лучше отвлечись и займись учебой.

Спортом занимайся! Скоро начнется конкурс спецшкол в Казани, готовься к нему! В конкурсе баянистов ты обязательно должен участвовать. Обязательно!

— Правда, что ли? Павел Степанович!

— Конечно, правда. Двадцать дней осталось, давно пора готовиться.

— Я буду, буду готовиться, учитель. Вот увидите, я покажу, на что способен!

— Собери всю волю в кулак, Шораан. Я верю, ты победишь.

— Я буду очень стараться, Павел Степанович!

— Вот теперь молодцом!

Шораан сразу воспринял духом. Казань! Впереди – новые высоты.

Казань – Назия! Назия – Казань! Кто знает, может, вновь встречу с чистой мелодией своей?

Он взял в библиотеке книгу Азария Ивановна “Охудожествление мелодии и композиция”, стал читать. А потом его пальцы, словно белки по кедром тувинской тайги, забегали по ладам баяна. Он начал создавать композицию “Фантазии на темы тувинских песен”. Концерт – серьезное испытание, да еще перед такой музыкальной аудиторией. Казанская консерватория!

Только когда пальцы совершенно онемели, а в ушах зазвенело от звуков баяна, Шораан пошел в клуб шахматистов. Надежда на скорую встречу с любимой девушкой окрылила его. Он думать ни о чем не мог, кроме конкурса, который будет в Казани...

А вот и она, Казань. Колокола Казанского Кремля издают серебряные перезвоны. “О-о, древняя музыка! Золотые пагоды на берегах чистых рек, поднявшись ввысь, к облакам, благословляют мир и вечную благодать. Назия обещала попросить у великих небесных святых божьего благословения и мелодий для меня. Конечно, если мелодии, словно пение этих колоколов, будут так же прекрасны, просты и понятны людям, моя музыка может стать народной! Баян мой, будь таким же звонким и мудрым, как эта чудесная музыка! Я вспомнил Эдер-Куй! Хочу сыграть свою мечту – “Песню костра”. Получится – можно считать, не подвел ни деда Сандака, ни Павла Степановича. С богом! Не дрожите, мои молодые руки!”— и, успокаивая себя так, Шораан открыл дверь Казанской консерватории.

Средняя Азия, Украина, Сибирь, Дальний Восток – вот неполный перечень участников конкурса. Выступали баянисты среднего класса.

Удивил слушателей мастерством паренек из Одессы: исполнил композицию “Эхо возмущения” составленную из фрагментов Баха и Шопена, перемежающихся отрывками из песен военной поры. Композитор Ваню Мурадели рекомендовал его в Киевскую консерваторию.

Игра харьковского баяниста тоже не оставила слушателей равнодушными.

И наконец...

— Представитель Оренбургской спецшколы, житель далекой Тувы Шораан Кыргыз. Авторская композиция “Песня костра”, — объявил голос ведущего. Шораану помогли выйти на сцену и усадили его.

Председатель жюри, известный композитор Назит Жиганов явно заинтересовался жизнью и бытом скотоводов, о которых была написана фантазия Шораана.

Костер. Вокруг него – танцующие дети. Парень, посадив на круп своего коня ослепительную красавицу, скачет по скалам. За ним в погоню пустились душуметы. Слышен перехлест их плеток..

“Вдоль по улице”, “Сулико”, “Хандагайты”— костер все разгорался, окруженный людьми разных народов и наций, олицетворяя их крепкую дружбу.

Удачный сюжет и богатая музыкальная палитра полностью захватили внимание слушателей. Когда музыка закончилась, зал взорвался аплодисментами, словно тайга зашумела от ураганного ветра.

— Бис! Мо-ло-дец! Шораан!

Ему показалось, что среди сотен голосов послышался серебристый голосок Назии:

— Толя! Молодец!

После концерта он долго ждал ее. Ждал и не дождался. Девушка не пришла.

Шораан стал лауреатом. Завоевал первую премию конкурса, серебряную флейту “Соловей” и право без экзаменов поступить в Курское музыкальное училище.

“Раздели победу своего ученика!”— сказал один из музыкантов Павлу Степановичу.— Приветствую тебя и радуюсь! А за Шораана – вдвойне!

Дугарин обнял своего питомца и ликующе воскликнул:

— К НОВЫМ ВЫСОТАМ, ШОРААН!

Перевод Г. Принцевой и И. Иргита.

Мадон МОНГУШ

СМЕРТЬ В ПЕСЧАНОЙ СТЕПИ

Дорогие мои читатели! Случай, о котором я хочу вам рассказать, произошел на границе Монголии и Тувы. О нем мне поведал отец, который в свое время знал некоторых участников этой печальной и поучительной истории. Я до сих пор храню в душе яркие образы монгольского табунщика Шагдаржава; молодой матери-тувинки и ее ребенка, погибающих в глухой степи. Я никому и никогда не рассказывал об этом – может быть, боясь сглазить счастливую судьбу

спасенного мальчика, который стал сыном двух народов-соседей и оправдал надежды близких и любимых людей.

Ну да ладно! Больше не хочу говорить загадками. Пожалуй, начну.

I

Было это еще до революции. Кочевые народы-монголы, тувинцы, казахи – всегда стремились обживать пастбищные угодья, долины живительных рек, а на полях выращивали богатые урожаи: не одним мясом сыт человек.

Арат Шагдаржав с детства сильно любил лошадей, всегда гонялся за красивой сбруей для них. Любил стремглав мчаться по степи, и, как орел, был свободен и крут нравом. Богатый скотовод Томурден оценил молодецкий характер парня и взял его табунщиком.

Мать Шагдаржава, маленькая благоверная старушка, держала двух коров и десятка два коз. Всю жизнь она батрачила на богатых: выдывала шкуры, шила одежду, доила коров. Но и по своему хозяйству успевала, так что семья никогда не сидела голодом. И на зиму заготавливала припасы в достаточном количестве. А Шагдаржав за летний труд осенью всегда получал от бая целого бычка – на мясо.

Шли годы. Шагдаржав женился на соседской девушке Серенме, с которой вместе пас овец. Потом молодые так влюбились друг в друга, что различить их могла только смерть.

Но прошло уже три года после свадьбы, а молодожены все еще были бездетны. В душе родителей росла тревога: ведь если в степи женщина не рождает детей, ее ждет голодная смерть в старости.

Потом отец и мать Серенмы оставили детям свою хорошую юрту и откочевали к старшей дочери, а Серенма осталась послушной невесткой в аале Шагдаржава. Его мать сильно полюбила красивую и расторопную девушку, называла ее не иначе как дочкой.

Они жили на берегу Селенги-реки, возле высоченных орлиных гор, и растили свой скот. И была у них огромная монгольская овчарка по кличке Тайван. Она сторожила отару от волков: ее грозный лай сразу отпугивал их. Но однажды хищники, осмелев от голода, все-таки напали. Тайван приняла неравный бой и задавила двух матерых, остальные разбежались, увидев вооруженного хозяина. Шагдаржав до сих пор помнит место, где сражалась Тайван: на среднем пастбище тут и там валялись клочья шерсти убитых и раненых волков. Собака, конечно, тоже пострадала, не поднималась почти месяц. За ней ухаживали все, а она благодарно скулила и умильно поглядывала на хозяев, будто просила прощения за то, что не может работать и даром ест хлеб.

II

Однажды в бескрайних степях Гоби Шагдаржав потерял целый табун. Слухи подтвердили, что кони ушли на север, по караванному пути китайских купцов, в долину Убса-Нура. Выбрав лучший лунный день, Шагдаржав отправился в путь. Не найдет табун – хозяин заставит платить огромные деньги или сделает пожизненным рабом.

Вы, наверное, слышали про песчаные степи Гоби. Там постоянно ветра, иногда бушуют ураганы, а иногда с неба сыплется настоящий песчаный дождь. Никаких дорог, ни земли, ни неба! Все кружится и бурлит.

Шагдаржав скакал по пути китайских купцов всю ночь и к утру, на заре, увидел далекие силуэты гор, плодородные долины и поля. Вдруг впереди замелькали стервятники. Некоторые парили высоко в небе, но больше всего их было над самой землей. "Видно, там падаль", - подумал Шагдаржав. Уже совсем рассвело, утреннее солнце глянуло ярко, подмигнув ресницами лучей, как будто хотело скорей согреть открывшиеся табунщику просторы.

Впереди лежала приветливая зеленая долина. Вдруг с неба ринулась огромная птица, гриф, и опустилась совсем близко от Шагдаржава. Он, ударив плеткой коня, поспешил туда и подскочил к падали.

Боже ты мой! Там, до пояса засыпанная песком, лежала женщина. А на ее груди сидел ребенок.

Шагдаржав сначала не поверил своим глазам, а потом, поняв, что это не мираж, соскочил с коня, послушал женщине сердце, похлопал ее по щекам. Нет! Молодая мать была мертва. А ребенок, увидев чужого человека, неожиданно улыбнулся и хотел ему что-то сказать, а потом устало заплакал.

На нем была теплая ягнячья шубка, поэтому он и выдержал холод ночи. Сколько они здесь – сутки, двое? Откуда взялись, куда шли? Ночью бушевала песчаная буря, и все следы занесло.

Что делать Шагдаржаву? Не оставлять же ребенка в степи? Он сунул мальчика в широкую пазуху своего монгольского халата и стремглав, поскакал прочь от этого гиблого места. К полудню выехал к большому аалу из десяти юрт. Жили там монголы-торбеты, местные обитатели. Шагдаржав рассказал им все и показал найденщца. Жители стали расспрашивать людей, которые последние два-три дня проезжали по торговому пути, и оказалось, что совсем недавно здесь проходил китайский караван в сторону Казахстана.

Монголы внимательно осмотрели мальчика, и бывалые старики заметили, что по внешности он очень похож на тувинца-урянхайца – светлые волосы, открытые глаза. Об этом же говорили способ выделки его шубки, шапка и обувь. Предположили, что тувинка, видно, была служанкой у китайцев. А когда она заболела, они просто-напросто бросили ее в степи вместе с ребенком. Какое зверство! Довезли бы хоть до монголов. Вот где проявилось нутро колонизаторов.

А насчет пропавшего табуна один из жителей аала, Зорихт, сказал, что около сорока коней здесь недалеко, у одного табунщика, его друга. Шагдаржав крепко обнял Зорихта – поездка удалась! Попросил нового знакомого присматривать за лошадьми, а сам собрался домой: ведь у него появилась еще одна, и очень серьезная, задача! Когда отъезжал, Зорихт, улыбаясь, сказал:

— Ты добрый мальчй. Пожалел ребенка. Поэтому я и сказал, где кони. Такого, как ты, обманывать нельзя.

Шагдаржав поблагодарил жителей села и отправился с ребенком домой. Только попросил трех свидетелей следовать за собой и показал им место смерти неизвестной женщины. Свидетели сказали, что она, как и ребенок, тоже не монголка, а тувинка-урянхайка. Это подтверждали черты лица, одежда, обувь.

Шагдаржав скакал ночь напролет и к утру добрался до своих южно-монгольских степей. Мать и жена удивились, что он, уехав искать табун, вернулся с огромной радостью на загорелом лице и с маленьким мальчиком за пазухой.

Он объяснил, что табун нашелся, а потом рассказал о мальчике и его матери. Женщины очень тепло приняли ребенка, накормили и окурили ароматными травами степей и гор. А потом и усыновили, дав ему высокое имя — Цеденжав.

Мать Шагдаржав наказала сыну как положено похоронить мать мальчика. Ведь если оставить труп непогребенным — душе твоей не будет покоя. И Шагдаржав, тут же поменяв коня на свежего, поскакал обратно. Но стервятники уже закончили пир. Все, что осталось от урянхайки, Шагдаржав похоронил и, притащив на аркане с гор длинную стелу, поставил ее над одинокой могилой.

На сердце у него стало легко и печально. Сняв шапку, постоял рядом с камнем:

— Спи, сестра! Спокойно спи. Я сына твоего в обиду не дам. Сказал, сел на коня и, как на крыльях, полетел домой.

III

После того, как Шагдаржавы усыновили мальчика, Серенмаа родила два раза — сначала дочку, потом сына. Теперь дети росли, и их счастливый смех наполнял юрту, как солнечные лучи наполняют летний воздух. Скоро они уже пасли овец — помогали родителям в нелегкой кочевой жизни. Когда в юрту приходит благоверный человек, вместе с ним появляются благополучие и счастье. Шагдаржавы считали, что их большое счастье пришло вместе с маленьким Цеденжавом. “Ребенок ведет за собой братьев и сестер”, — так считают монголы. И поэтому первенец всегда пользуется особым вниманием в семье. Он получает самую вкусную еду, самую красивую и добротную одежду, а сидит обычно под домашним алтарем. Его обязанность — защищать братьев и сестер, быть для них добрым примером. Вот как рос Цеденжав у своих приемных родителей.

Шли годы. Совсем состарилась бабушка. Однажды она позвала к себе внука и шепотом сказала: “Сынок, ты вырастешь достойным человеком. Я даю тебе одну телку, пять коз и овцу. Будь всегда трудолюбивым и разумным. Настоящим мужчиной!”

Через несколько дней она умерла. Отец и Цеденжав, смастерив

носилки на двух полозьях, положили на них тело бабушки и повезли на конной тяге в степь, хоронить. Нашли ту самую стелу, под которой покоилась родная мать Цеденжава, неизвестная урянхайка. Выкопали рядом свежую могилу, опустили в нее умершую и поставили над нею вторую стелу.

— Отец, а первая могила чья? — спросил Цеденжав, когда они возвращались домой.

— Нет, сынок, это не могила. Это — знак материнства. Я все расскажу, когда вырастешь. Сейчас ты можешь меня не понять.

Мальчик не стал допытываться. Такой уж обычай у монголов: не лезь в чужую душу и не трави ее вопросами, когда горе...

IV

Пролетали зимы, лета, осени и весны. До жителей степи доходили разные слухи со всех концов Земли. В Китае — революция! Народ скинул ненавистный военный режим маньчжурских ханов. Монголы, тувинцы, уйгуры, тибетцы тоже поднялись за независимость. Разбили многотысячные китайские войска и объявили о своем освобождении от колониализма. В России появился Ленин, а в Урге — Сухэ-Баатор. Эти люди хотят освободить от богатеев целые народы. Потом — гражданская война в России, Китае, Монголии. Потом началась новая жизнь: культурная революция, коллективизация, развитие образования.

Шагдаржав вступил в народную революционную партию, отдал детей в школу, начал учиться грамоте и даже стал активистом ликбеза.

Время летело быстро. Дети совсем выросли. Цеденжав учился в Улан-Баторе, и однажды по всей округе пролетел слух, что ему разрешили продолжить образование в России, в большом городе Москва.

Цеденжав, даже не заехав к родителям, прямо из Улан-Батора умчался в Россию. Отец и мать долго ничего не знали о сыне: где он, что он, когда придет? Вдруг ближе к середине зимы к Шагдаржаву заехал путник и передал письмо. Сразу все родственники собрались: что бы это значило? Шагдаржав распечатал конверт и начал читать вслух:

“Дорогие мои родители! Сестра, брат!

Посылаю вам большой привет! Как вы живете? Я сдал экзамены в Улан-Баторе, победил в конкурсе лучших и уехал учиться в столицу великой России Москву. Это очень далеко от нас. Москва — огромный город. Прочусь здесь четыре-пять лет и приеду домой. У нас в университете учатся дети разных народов. Рядом со мной — тувинец Салчак Тока. Я с ним подружился. Он учит меня говорить по-русски. Я вас помню и люблю. За меня не беспокойтесь. Учите ребят. А ты, мама, всегда много трудилась, не жалела себя. Не надо, мама! Теперь пусть работают брат и сестра. Береги себя. До встречи!

Ваш сын Цеденжав”.

Серенмаа заплакала. Шагдаржав посерьезнел, отложил письмо в сторону, взял трубку, поспешно набил табаком и закурил. Руки его чуть заметно дрожали. А сердце так и колотилось: "Он пишет о тувинцах. Неужели зов крови? Но он мой! Это мой сын! Я его вырастил таким умным и добрым. В нем моя душа!" Его глаза тоже наполнились слезами. Он вспомнил все. Улыбку ребенка, сидящего на груди мертвой матери. Огромных птиц – стервятников, готовых растерзать малыша. . .

— Он вернется, – сказала Серенмаа, обнимая мужа. Наверное, они думали об одном.

— Конечно, мать. Конечно! Это наш сын! – воскликнул Шагдаржав, погладив сидящую голову жены. — Я горжусь, что у нас такой замечательный сын.

V

Московская жизнь и учеба Цеденжава шли как нельзя лучше. Он и там был одним из самых перспективных студентов КУТВ-а. Закончил два курса. Оставалось еще два. . .

Домой он писал нечасто. А письма долго шли и редко доходили. Когда закончил университет, просто послал телеграмму: *"Окончил учебу успешно, еду домой"*.

В то лето он был вместе с родными. Наконец-то, после долгих лет разлуки, наскочил на коне, охотился с отцом на тарбаганов и джейранов. Люди не могли наглядеться на высокого, кудрявого, пригожего парня, звонко поющего монгольские и русские песни. Он был красив, как буддийский божок, мудр и уважителен, как взрослый, много повидавший в жизни человек.

Девушки, вздыхая, поглядывали на Цеденжава, стремительного и стройного на коне.

К осени его вызвали в Улан-Батор. Провожал весь аал – аж до далекого перевала за Селенгой-рекой. . . И опять он исчез надолго. На целых три года! Опять учился в Москве. Уже в аспирантуре.

Потом до Шагдаржавов дошел слух, что сын вернулся в Улан-Батор и стал начальником в каком-то учреждении. Однажды к ним заехал командированный из Улан-Батора и передал еще одно письмо.

"Дорогие мои родители! Брат, сестра!

Я закончил аспирантуру, приехал в Улан-Батор и начал работать руководителем правительственного учреждения. На следующий год приеду домой, повидать вас. Отец, мать, берегите свое здоровье. Передаю привет сестре и брату.

Ваш сын Цеденжав"

Родители – на седьмом небе от радости. Хотели сами ехать в Улан-Батор, да очень уж далеко. И скотину не оставишь без присмотра. Но как хочется обнять сына!

Зимой услышали, что Цеденжав стал министром. Не поверили! А летом он приехать не смог, потому что получил новую должность. Но послал за родителями легковую машину.

Шагдаржавы уселись в машину и за три дня доехали до Улан-Батора. Никогда не видавшие большого горда, они были как во сне. Сын принял очень хорошо, познакомил с сослуживцами, показал достопримечательности. Жили в его большом доме. Мяса и вин было предостаточно. Цеденжав угощал, рассказывал про учебу, друзей, Россию, Москву, работу, политику... Шагдаржавы глазами и ушам своим не верили: сын стал таким мудрым начальником!

Осенью Цеденжав еще раз приезжал домой. Прилетел на самолете. Встречали его руководители аймака.

Вот так Шагдаржавы увидели счастье сына. Их найденьш не только им, но и всему монгольскому народу указал верный путь и надежду на созидательную жизнь. А родительское счастье было вдвойне: Цеденжав приехал с женой, и она ждала ребенка.

Отец с сыном поехали в степь. Спешились, подошли к могилам бабушки и неизвестной урянхайки. И отец, преодолевая огромное душевное сопротивление, рассказал сыну все.

Цеденжав слушал и плакал. Потом обнял отца и сказал:

— Отец, кем бы я ни был, я тебе — родной сын. Я — монгол! И буду верно служить своему народу и вам. Никогда не предаю вас.

Они обнялись. Сердцу Шагдаржава стало так тепло и легко! Хотелось и смеяться, и плакать. Высоко в небе парили большие черные грифы, цокая клювами, словно от досады. Шагдаржав погрозил им крепкими кулаками:

— Не достанете! — крикнул он. — Мой сын теперь — как богатырь!

Вместо эпилога

От судьбы не уйдешь. Так говорят в народе. Смерть неизвестной урянхайки в песчаной степи. Найденьш простого табунщика, выросший в большого руководителя страны. И все это — цепи перевоплощения сансары. Ведь, умирая, мать вдохнула в сына свою последнюю энергию и надежду. Поэтому кармой ребенка стало то, что его нашли и спасли.

В мире нет ничего вечного. Вечна только любовь матери. Она — источник всходов всего живого на земле.

И я этим своим рассказом хочу восславить мать и ее дитя! Нет ничего более дорогого, чем свои глаза и мать. А матери можно отдать и свои глаза.

Перевод Г. Принцевой.

СВЕТ ЗА ОБЛАКАМИ

“Величайшее несчастье, когда нет истинного друга”

Иль-Мутанабиль.

“Величайшее счастье, когда есть истинный друг”

Марина Корзун.

Я сижу у моря и не могу избавиться от тяжелого ощущения цепи несчастных обстоятельств, преследующих меня. Последнее из них кажется особенно тяжелым: приехав на юг в надежде на поправку здоровья, я переживаю его ухудшение и необходимость согласиться на операцию. Врачи советуют вызвать кого-нибудь из родных...

Крики чаек выводят меня из оцепенения. Отгалкиваясь от гальки, я с трудом поднимаю тело, отягощенное грузом чувств и неразрешимых мыслей. Бреду по берегу, волоча этот душевный камень. Как облегчить непомерный груз? Я пытаюсь мысленно слиться с ветром. Он весело шалит: качает кипарисы, срывает гребни волн и превращает их в морскую пыль. “Ветер, разве мою боль! Пожалуйста!” Ветер пронизывает меня, но не способен сорвать с души боль. Обращаюсь с мольбой к морю. Море только шумит о чем-то. А я не пойму, о чем. Вглядываюсь в волны: “Вот эта волна – я. Эта – кто-то другой. Следующая – еще кто-то. Вокруг меня много тех, кому плохо. Но все они мне чужды, незнакомы. Как они справляются? А я один на один с бедой”. Меня что-то сковывает, и в то же время изнутри начинают подниматься волны нарастающего отчаяния. Мне хочется убежать. Убежать! Обнаруживаю, что на самом деле почти бегу. От чего? От кого? Невозможно... А может, к кому? Да, конечно. Я пойду... Я иду к Марине. Думаю о предстоящей встрече и знаю, что мне, хоть и временно, но станет легче и радостнее. Я стараюсь спрятать свою боль в самый дальний, затемненный угол сердца.

Марина поднимает навстречу мне светлое лицо в ореоле коротких, озорных кудряшек. Серые глаза спокойно и внимательно смотрят на меня. Улыбается. Я тоже. Спрашивается о том, что я читаю. Подробно объясняю. Она меня перебивает:

— Ты была на Иссарах?

— Нет. А что это такое?

— Название вершины. Пошли после обеда на Иссары?

— Разве мы собирались сегодня в горы? – спрашиваю я от своей неподъемности.

— Сегодня прекрасная погода, — мягко объясняет мне Марина. — И потом, у меня насыщенные планы. Надо торопиться.

Я словно чувствую свежую энергию невидимого ветра странствий. И мне захотелось быть захваченной этим потоком.

— Я хочу на Иссары! — с радостью и почти шепотом выдыхаю я.

И вот мы уже пробираемся по тропе, сжимаемой с двух сторон густыми ветками кустов можжевельника. Отводим ветки в сторону, смахивая с лица паутину. Проходим перелески, полянки и ныряем в лесную чащу у подножия скалистой горы. Бежит тропинка то влево, то вправо, то вьется запутанно. Изредка хрустнет ветка, прошуршит камешек. Постоянны только молчание и глубокое, приглушенное дыхание.

Совершенные мелочи наполняют восторгом и радостью душу: нежный цветок посреди дороги, душистый воздух леса, бег солнечных лучей между стволов, нечаянные встречи с маленькими животными.

Мы уже близки к цели. Выходим на маленькую площадку. Лес, из которого мы вышли, стелется от наших ног вниз широким темно-зеленым, бархатным ковром и заползает узкими лентами вдалеке на высокие, ровные каменные стены. После короткой передышки поворачиваемся в сторону моря, в сторону вершины Иссары. Ее еще не видать. Предстоит преодолеть короткий, но крутой подъем по скале. Плотнo прижавшись к камню, не глядя вниз, почти не дыша, продвигаюсь по узкому краю. Тяну руку Марине, прошедшей вперед, веряюсь ей. Она надежно страхует меня, и я не боюсь упасть вниз. Чувствую, как бережно держат меня. Марина вытягивает меня вверх. Снова выходим на скрытую среди густой травы узкую дорожку и направляемся к вершине. Марина поворачивается ко мне:

— Спасибо, — в ее интонации чувствую благодарность.

— За что? — удивленно спрашиваю я.

— За то, что не стонала, не тряслась от страха, не повернула назад, — просто и строго объясняет она мне.

— Нет так уж сложно было для того, чтобы бояться, — еще больше удивляюсь я.

— Некоторые уходят.

По мере нашего приближения к верхней точке открывается все больше голубого неба, темно-синего моря. Наконец, открыв панораму во все стороны, вершина оказывается под нашими ногами. Мозаика красок! Множество оттенков синего и зеленого. Далеко внизу серые ленточки шоссе аккуратно перепоясали цветущую равнину. Даже отсюда видно, как быстро мчатся машины. Прибрежная жизнь захватывает своей стремительностью и дает понять, что она не останавливается ни на миг и никого не ждет.

С противоположной стороны открывается совершенно другая панорама. Гул прибрежной жизни замокает. В величавой тишине высятся огромные стены. Над ними почти неподвижные, легкие, пышные облака. Смотря на них, думаю, что чуть заметный их полет — это движение времени на фоне вечности. Над безграничной чашей

парят орлы. Можно раствориться в тишине и покое. Таково другое, более высокое проявление времени. Изумительные контраст и единство!

Я не могу ощутить себя жителем ни первого, ни второго из этих двух прекрасных миров. В каком мире, в каком времени я застряла? Ах, как бы я хотела быть подобной певучему зяблику, свободно летающему сейчас, где ему хочется!

Парю взглядом по пространству, впитывая ощущение свободы. Возникает иллюзия полета... словно все сдвинулось с места: Иссары, леса, гряда гор, море...

Марина часто уходила в горы одна и всегда возвращалась со светлой отметиной в душе. По ее молчанию, улыбке, глазам я чувствовала и понимала, чем она наполнялась после этих путешествий. Ее рассказы были немногословны, точны. Она говорила о самом главном, характерном с восторгом или незлобивой иронией. Рассказ радовал, веселил и всегда заинтересовывал. Хотелось побывать там, где была она, увидеть ту красоту, которую видела она.

Все чаще Марина зовет меня с собой в горы, крымские города и поселки. Все реже я присоединяюсь к групповым походам, которые никогда не приводили к вершинам.

II.

Несколько дней над южным побережьем Крыма висят низкие дождевые облака. Неба не видно. Облака время от времени проливают на нас обильные дожди, а затем словно наблюдают за нашей реакцией, пытаясь заглянуть в глаза. Воздух отсырел настолько, что, кажется, дышать стало труднее. По кривым улочкам стекают ручейки. За завтраком Марина жалуется:

— Надоели горячие чаи. Сплошная сырость!

— Надоело гулять по переулкам и таскать на плечах тучи! – делюсь я.

— Надоело читать под теплым одеялом, словно это единственное теплое место.

— Надоело ходить в гости. Объясните, пожалуйста, это мне только кажется, что все уже понемножку булькают при каждом движении?

— ?! (Легкий смех). Вижу: пора на Ат-Баш!

— В горы? В такую погоду?! Да их же и не видать из-за тумана и облаков!

— Пошли на Ат-Баш!

— И дождик моросит.

— Зонтики возьмем. Не пожалеешь!

Смотрю на Марину и думаю: "Да, ее не увидишь на тесной танцплощадке, в душном кинозале или в толпе отдыхающих с неразборчивыми пересудами. Она отличается от тех, кто стремится получить удовольствие "не меньше, чем все", быть там, "где все", знать слухи, которые "знают все". Кажется, она прочно застрахована от того, чтобы сознательно или незаметно совершить бегство в пошлость. Ее сердце на вершинах гор, в постоянном соприкосновении с красотой

природы, людей, загадок и тайн”.

Она смотрит вопросительно, ожидая ответа. Я соглашаюсь:

— Кажется, Ат-Баш успел соскучиться без нас.

Марина очень рада. Хотя, если бы я отказалась, она все равно бы ушла на Ат-Баш, одна.

Мокрая и скользкая земля не позволяет продвигаться быстро и заставляет нас съезжать обратно вниз и вновь ползти вверх. Я уже устала продвигаться ползком.

Начинаю сомневаться в разумности этой затеи. Сажусь на землю. “Что интересного может быть в горах в такую слякоть? Ничего... Но сказано же: “Не пожалеешь!” Чего-то я не знаю, что помогло бы мне угадать предстоящее. А разве все нужно угадывать? Невозможно! Неинтересно. Я же убежала из поселка, где все приелось ради неизвестного. Я правильно иду. Надо спешить”. Пытаюсь догнать спутницу. Ступая по травмам, держась за кусты, мы добираемся до лесной зоны. Теперь не так трудно будет ступать – помогут корни деревьев. И не так больно будет дышать.

Поднявшись выше, мы вошли в холодную плоть тумана. За несколько шагов ничего не видно. Мне кажется, что мы заблудились: слишком долго идем. Однако мой поводырь уверен в себе. Из густого тумана навстречу выплывают стволы и ветки сосен, высокие травы и исчезают снова. Постепенно туман становится прозрачнее, а горная чаща – светлее. Я с удивлением наблюдаю, как солнечные лучи все чаще пробиваются сквозь влагу. Неужели мы начинаем выходить из моря облаков? Да. Получается, что мы поднялись выше сплошной облачности, дождей и унылой серости!

Перед нами открылись бесконечно чистое, синее небо, зеленая горная равнина в ослепительном солнечном свете. Страстная крымская путешественница знала, куда меня вела! А вот и каменная скала Ат-Баш, когда-то очень похожая на голову коня. Вокруг редкими кустами алеют цветы, слегка покачиваясь от дуновения ветерка. Жужжат пчелы, порхают бабочки.

Созерцая открывшуюся картину, вслушиваясь гуденье насекомых, я думаю о том, что каждое путешествие становится для меня спасением от отчаяния. Я все острее ощущаю, как прекрасна жизнь, и понимаю, что стоит страдать ради того, чтобы вернуться к ней. Распластавшись на траве, я готова убаюкаться и заснуть. Но солнце припекает и время торопит. Пятнадцати минут нам хватило, чтобы высохнуть и согреться. Еще раз оглядываем зеленое плато, возвышающееся над холодной белой равниной пушистых облаков. Скоро мы снова пройдем через них.

Начинаем спуск. Это не просто более легкий путь, чем подъем. Это особое наслаждение: бежать по извилистой дорожке легко, словно летишь, набирая и сдерживая скорость, останавливаясь изредка, чтобы полюбоваться чем-нибудь и прислушаться к лесной тишине. Вот на этой тропе возникло мое первое удивление Мариной: по крутой каменистой

тропке сбежала, как вихрь, не уследимая глазом. И не только увидеть, а услышать ее трудно: короткое шуршание камней и все. Ветки, травы, цветы у дороги в покое.

Я лечу! Тело невероятно легкое. Я несусь по лабиринту, перепрыгивая через черные камни, обнимая на поворотах сосны рукой, лаская пушистые ветки над головой. Сначала мы стараемся избежать опасности налететь на дерево, не справившись с инерцией бега. А потом бежим с меньшей скоростью, чем обычно, так как снова вошли в облака.

Мы возвращаемся в людской "муравейник", отделенный облаками от неба и солнца. Мы вернулись к пожилой гардеробщице, которая, раздражаясь, не хотела верить в то, что можно подняться выше пасмурного дня и найти в горах безоблачное небо и солнце. И что-то еще, невыразимое словами.

III.

Каждая высота открывает только ей доступную и неповторимую красоту. Мы еще внизу. Марина показывает вершину Чакатыш, на которую собрались мы на это раз. Далеко наверху я вижу образ величественного каменного замка с двумя широкими и мощными колоннами, зажимающими между собой высокую стену. Густой темно-зеленый лес преграждает доступ к нему еще снизу, от поселка, и почти заползает на отвесные скалы вдали. Созерцая с шумного и душевного берега Чакатыш, чувствую, каким независимым спокойствием и таинственной тишиной веет от него. Не верится, что мы там будем через два с половиной или три часа. Как это часто бывает, идем вдвоем. Третья спутница не осмелилась присоединиться.

Бесконечные повороты. Крутые подъемы. Изнемогают ноги, легкие. Хочется прохладной водой смыть соленый пот, утолить жажду. Но ручейков здесь нет. Пить много на подъеме не рекомендуется. А в наше походное снаряжение обычно входит только носовой платок. На этот раз в дальний путь мы взяли бутылку минеральной воды. Но она откладывается на потом. Последние метры почти летим от ощущения близкой радости. Вершина открывает черно-синее на горизонте море, которое, приближаясь к берегу, постепенно меняет цвет волн к синему, к зеленому. А вот и крохотный пронзительно-лазурный кусочек у самого берега, придающий прелесть всей картине. И вечно цветущая роскошная крымская земля. Орнаменты виноградных плантаций. Старые замки и современные постройки, белеющие на этом фоне. Веет чужой устоявшейся, уединенной жизнью. Мы сидим у самого края скалистой стены и пьем воду. Долго молчим. Слышу тихий голос:

— Помнишь, у Сент-Экзюпери: "Зорко одно лишь сердце". Как дальше?

— "Искать надо сердцем. Глаза слепы. Самого главного глазами не увидишь".

— Да-да-да... давай выпьем за зоркое сердце, за то, чтобы всегда мы больше верили ему.

Она переживает радость. Счастлива этими мгновениями. А может, прошедшими и грядущими? Наверно, так светится лицо человека, живущего в ожидании встречи. Я тоже счастлива. Я знаю, наполнена и пропитана особыми соками. Изменился мир вокруг меня, изменилась я.

Марина мысленно возвращается ко мне, улыбается и касается пальцем стебля цветка, словно струны. Цветок закачался.

— Я коснулась того, что способно отозваться, — объясняет она загадочно.

Радость, что медленно переливалось ко мне, всколыхнулась. Я трогаю лепестки и тихо говорю:

— Этому цветку повезло, что его коснулась твоя рука... Не каждый может извлечь дивный звук.

Вечерний летний воздух наполнен особой негой цветущего края, предзакатным розовым светом. Возвращаясь домой, шагаем по пустынному шоссе. Поправляя на плече ремешок сумки с сухими можжевеловыми ветками, я прикладываю ладонь ко лбу, чтобы лучше разглядеть парящих в небе птиц. Вдруг в моей душе что-то сложилось, созрело и выступило как постижение чего-то очень важного. От необычного состояния я остановилась, продолжая смотреть из-под ладони на сокола, который, раскинув крылья и найдя нужную точку в потоках, не двигаясь переживал гармонию момента. Моя спутница переводит свои лучистые глаза с птицы на меня.

— Я знаю, что бывает на свете дружба, ради которой не страшно умереть, — открываюсь ей.

Марина внимательно смотрит и словно проникает глазами в мою душу. Мы продолжаем путь. Как будто ничего не изменилось вокруг. Но я чувствую: отступили, потеряв значение, события и обстоятельства. Прошлые и будущие. Предстоящая разлука, такая реальная, стала мгновенным жалким миражом перед возникшим бесконечным невидимым духовным пространством.

... Пришло время расставания. Марина уезжает до восхода солнца. Но светло как днем. Мы сидим на скамейке в ожидании автобуса и смотрим на горы. Оказалось, в последний раз вместе. Мне грустно, но не тяжело.

Ты уехала... Будто что-то улетело из души, опустело вокруг меня. Но я чувствую, что ты не только в воспоминаниях. Ты в настоящем и будущем. Незримо ты со мной, ты во мне.

IV.

Очнувшись от наркоза в полумраке душевной палаты, начинаю вспоминать: кто я, где я. В первое время круг осознания не может расширяться дальше ощущения моего неподвижного тела и радостных голосов сестер и врачей. Постепенно этот круг расширяется, достигнув всего того, чем я жила до этого. Словно восстанавливались невидимые ниточки, связывающие меня со всем близким, дорогим, знакомым и

незнакомым. Вот они, такие разные люди у моей постели. Некоторых из них я не знаю. Они пришли заменить родных и поддержать.

Я узнаю, что операция была не совсем удачной и ее повторяли. Моя душа раскачивалась, как цветок на ветру, то в сторону жизни, то в сторону смерти. Беспокойное дежурство было непрерывным. Но меня минули эти тревоги. Досталась же радость, что все трудное позади. Теперь надо подниматься к жизни.

Как зов жизни я ощущаю горы, которые не видны в окно. Но очень близки. Там, за стенами палаты. Как зов жизни я ощущаю людей близких и далеких, с которыми хочу увидеться. Марина, я мысленно прохожу наши пути к вершинам, дорогу римских колоний, тропу Пушкина. Тропу, ведущую к маленькому горному ресторанчику, где можно насладиться бокалом крымского марочного вина и теплыми чебуреками. Влезаю на раскидистое тутовое дерево, срываю яблоки и груши. Собираем с Айгуль ничей грецкий орех, а потом со смехом убегаем от внезапно объявившегося козыина. Вспоминаю бегущих по высокогорной равнине мустангов. Тихо читаю друзьям сонеты и рубаи. Снова и снова переступаю порог виллы "Хулкур", чтобы испытать с Эвой и Ильмар сок чабреца из прозрачного бокала и рассказать о далекой Туве. Я мысленно повторяю путь к вершине, которую ты, Марина, назвала моим именем. И вновь я убеждаюсь, как в первые моменты разлуки предугадала, что в будущем одно только воспоминание о тебе будет мне поддержкой. Я ощущаю силу одиночества.

Через месяц, игнорируя слабость и одышку, я уйду в горы. Вот мы с Ул-Серик поднимаемся на вершину Иссары. Задыхаемся от порывов ветра и радости. Звенит, как струна, стебелек в груди. Рядом незримо присутствует Марина. Похоже, что приводя новых друзей на вершины, мы обречены мысленно стоять рядом с теми, кто нас сюда впервые привел.

Симеиз — Кызыл, 1980, 2000г.

Салчак СЕРЕН

СЛУЧАЙ С ОХОТНИКОМ

На много верст за нашей деревней протянулась цепь гор, пересекаемая ложбинами. По одной из них, держа ружье наизготовку, шел пожилой охотник. Уже много времени преследовал он добычу: то вытянется на носках, приподняв голову, то опустится на колени и спрячется за камень.

Это один из лучших охотников нашей деревни Дилгижек. Он старательно вел преследование, соблюдая большую осторожность. Его старые, но зоркие глаза даже на секунду не выпускали из поля зрения зверя. Расстояние между ними быстро сокращалось. Скоро охотнику пришлось припасть к земле и продолжать преследование ползком.

Не подозревая опасности, чернобурая лиса усердно охотилась за мышами. Вот она изогнулась для прыжка и стремительным рывком бросилась на свою очередную жертву. Но на этот раз прыжок не увенчался успехом: мышь юркнула в отверстие под большой грудой камней, и, увлекшись погоней, лиса незаметно для себя оказалась в нем.

С невероятной для своих старых ног быстротой Дилгижек оказался возле камней. Первое, что он сделал, — закрыл отверстие своей шапкой и придавил ее ногой.

Затем, тяжело дыша, с большой осторожностью заглянул в отверстие и убедился, что лиса там: глаза в полумраке светятся, сама вся дрожит от испуга. Она была так близко — хоть тут же бери ее рукой. Черно-бурый мех лисы соблазнял охотника. Дилгижек навел ружье и готов был уже спустить курок, но внезапно изменил свое намерение.

- Что я делаю? Совсем поглупел от удачи, - проговорил он, вынимая ствол ружья из отверстия. - Если выстрелишь в нее с такого расстояния, - продолжал он бурчать под нос, - то всю шкуру опалишь порохом, и пропадет ценный мех. Нет, я тебя возьму другим способом.

Улыбаясь, охотник представил себе, как он сделает петлю, накинеть зверю на шею и как тот забудется в предсмертных судорогах. В таких случаях любой на месте Дилгижека будет беспощаден.

Торопиться не нужно, лисе уйти нельзя. А пока можно присесть и отдохнуть, насладиться дымом крепкого табака. Дилгижек присел на шапку:

— Попробуй-ка, выберись.

Его первоначальное волнение постепенно улеглось, с огромным наслаждением он курил, делая такие затяжки, что в трубке с треском шипел табак.

— Какая удача! — рассуждал он. — Добыть черно-бурую — это редкость в наших краях. А как обрадуется жена. Обязательно скажет: "Купи швейную машину и кровать железную с мягкой пружиной". "Нет, жена, — скажу, — нет. Лучше я куплю себе хорошее ружье". А еще что купить?..

Он выкурил уже две трубки и не спеша стал набивать третью, когда до его слуха донесся шорох из-под каменной груды.

"Не шуми, не шуми, голубушка. Знаю, что тебе не хочется умирать. Но что поделаешь. Мне тоже нужно хорошее ружье", — мысленно разговаривал Дилгижек со своей пленницей.

Кончив курить, охотник достал тонкую, но прочную веревку и приготовил петлю. После этого осторожно приподнял шапку.

— Что же это такое? — удивился он, не обнаружив лисы. — Куда она могла исчезнуть? — тревожно спрашивал он себя, но сразу же успокоился.

— Ах вот как, ты спряталась за камнем. Напрасно мудришь, дорогая. Меня не проведешь. Я — Дилгижек. В этих краях прославился как самый опытный охотник. Все ваши повадки и хитрости мне

известны. Не тебе меня вводить в заблуждение. На хищного волка я сам хищный волк, на хитрую лису — хитрая лиса.

Дилгижек быстро начал разбирать камни и скоро дошел до места, где предполагал убежище лисы, но ее там не оказалось.

Расщелина между камнями уводила все дальше и дальше, хотя становилась заметно уже. Это придало силы охотнику. Он еще яростнее стал швырять камни. От напряженного труда по его лицу обильными каплями катился пот.

Вдруг внутри щели блеснул свет, от которого у охотника потемнело в глазах: перед ним зияло отверстие.

“Неужели она вышла через это маленькое отверстие? Оно же чуть больше чайной пиалки”, — мучительно думал охотник, но скоро убедился, что лиса действительно убежала.

Осознав это, старик почувствовал страшную усталость во всем теле. Тяжело дыша, он бессильно опустил на камень.

— Тьфу! Ну и глупец! Так тебе и надо, старый дьявол! Пора бы знать: никогда не медли с делом, которое требует быстрого завершения.

Перевод В. Ермолаева

Василий ХОМУШКУ

ДОСТОИНСТВО ХРАПА

Чем взрослее, тем больше стал я храпеть, словно старый мотоцикл, карабкающийся на гору. Вот за это многие люди начали меня недолюбливать. Даже жена перестала терпеть меня в одной постели, потому и освободили для меня персональную комнату — стал я словно гость в собственном доме. Оказалось, что я не давал покоя и соседям, что живут за стеной. Однажды они пришли и посоветовали мне переселиться в зал.

Где бы я ни был, меня критикуют и упрекают, как полоумного. Приходилось мне даже обращаться к врачам, чтобы вылечили от храпа, но те только замахали руками, мол, это невозможно. Даже знаменитые Кашпировский и Чумак оказались бессильными и никудышными перед моим могучим храпом.

К черту все остальное, только никогда не забуду проведенные мною в армии два года. Из-за своего храпа я оказывался таким виноватым, словно преступник какой-нибудь. За мой, как трактор на борозде, храп, каждый, кто оставался без сна, колотил меня чем попало, или бесцеречно будили меня среди ночи, обливая холодной водой, или клали на мою морду вонючую портянку, либо сыпали в мои несчастные ноздри табак. А я, почти задыхаясь, в сердечном шоке просыпаясь, чуть с ума не сходил от этих проделок замученных мною бессонных солдат. Нет, пусть меня расстреляют, как врага народа, но в армию я больше ни ногой..

Но вы не подумайте, что от храпа бывают одни неприятности.

Оказывается, случаются и приятные моменты. Например, бывая в других городах в служебных командировках, стал я получать покой и удовлетворение. Раздобыл я, значит, медицинскую справку, подтверждающую то, что я обладаю "очень сильным и громким храпом". Благодаря этой справке, суя ее под нос любому администратору гостиницы, я привык получать шикарные одиночные номера и жил в них припеваючи. В основном я останавливался в "люксах". Деньги казенные, все равно их мне оплатят, я лично ничего не терял, а наоборот.... В "люксах" и телефон, и телевизор, и холодильник, и ванна, и туалет, и все такое. Главное, мне там никто не мешает, один спокойно за свое здоровье напивался аж до самых чертиков и яростно храпел потом в свое удовольствие. Это тебе не дом родной, где каждую ночь будят, мешая храпеть.

Такую роскошь не получали даже некоторые известные и уважаемые всеми депутаты, так как они не умели так громко храпеть, как я.

Я твердо верю, что когда-нибудь примут у нас закон о защите гражданских прав храпящих, вот тогда, наверно, заметно улучшится наше социальное положение в обществе...

КАК ЭСТАФЕТНАЯ ПАЛОЧКА

Я уже несколько лет работаю в одном учреждении начальником отдела и довольно-таки успешно приноровился выполнять свои обязанности. Теперь "не те" времена и, используя данные мне демократические права, говорю вам гласно и откровенно о том, как я работаю.

Прихожу на работу раньше всех и, открыв дверь кабинета, сразу же хватаюсь за множество бумаг, поступающих в мои руки "сверху". А вечером, позже всех, со спокойной душой ухожу домой. Опыт моей работы доказал, что если постоянно сидеть в своем кресле и никуда не отлучаться, то никогда не потеряешь рабочее место, и оклад твой будет всегда в кармане.

Из центра ли, из местных ли руководящих органов отправленные бумаги, документы, инструкции, положения, заявления, проходя через десятки инстанций, через руки сотен начальников, наконец, как эстафетная палочка, попав в мои руки, замолкают навечно.

Кажется, что финиш находится все-таки у меня. Потому что после меня никто не спрашивает и никто не интересуется судьбой этих бумаг. И я, приняв это как должное, начал собирать из них своего рода архив. А когда вся произведенная начальством продукция начала заполнять весь мой кабинет, стало ее некуда девать.

И тут выручили школьники, собирающие макулатуру. Как я увидел их, так и обрадовался, немного подумав. Я набил бумагами тары школьников.

А некоторые бумаги я отправил в деревню — к родственникам, дабы они шли там на растопку печки или для туалета. А взамен они обещали привезти немного сливочного масла и мороженого молока.

МОЙ СКРОМНЫЙ СОВЕТ

Миниатюры

* * *

Я знаю родные дожди. Но дождь этой весны больше всего походил на дождь осени.

Город был по-прежнему грустен, автобусы – полупустыми, афиши – темными.

Ранетки в пышном цвете притихли, скромно опустив свой наряд.

Дождинки были редкими и теплыми.

И я не чувствовала себя постаревшей, ходя по этому городу, хотя память об умершем прошлом сквозила во всем его облике, она была светлой и грустной – вспомнились все те, кто был со мной в юности, и хоть мы, может, близко и не были знакомы – и ушедшие раньше срока из этой жизни, и живущие сейчас.

Я думала, до чего мимолетна жизнь, она как сон...

* * *

Душа его была хрупким цветком, который робко и несмело цвел в тихом одиночестве. Мальчик случайно встретил этот цветок, бережно погладил и полюбил его. Каждый раз он готовился к встрече с душой – цветком, а тот терпеливо ждал своего друга.

С каждым днем цветок становился сильнее, сначала он несмело поднимал свою головку, но в последнее время стал настолько крепок и прекрасен, что свет радости шел из его души.

И все прохожие оборачивались вслед мальчику. Эта притягательная сила чувствовалась во всем его облике, и произошло андерсоновское чудо: из маленького, невзрачного мальчика вырос прекрасный юноша.

С рождения боль тела не отпускала его. Как ни пытался он вспомнить что-то иное, память рисовала ему одни белые стены больницы.

Он, как маленький старичок, мудро вслушивался в свою боль, когда она давила, он старался в мыслях быть тоньше волоска, чтобы боль давила на волосок, и ему становилось легче.

Иногда, замирая от боли, он упрашивал ее отпустить его.

Однажды мальчик нашел выход – это были мысли, за которыми другой мир. Он учился управлять своими мыслями. Он рисовал себе такие картины, о которых мы, — здоровые, и не подозреваем. В этих картинах он был счастливым, но главное – он летал. Он облетел все уголки своей души.

Врачи удивлялись: мальчик, которому суждено было всю жизнь

быть калекой, выздоравливал.

* * *

Я в детстве часто ждала чуда: чтобы над городом пролетели лебеди в закате зимнего солнца, и цвет их был похож на цвет розовых фламинго.

И люди, затаив дыхание, любовались бы ими, и жизнь их стала бы легче.

Но шли годы, зима за зимой, и когда я забыла о своем самом сильном детском желании, когда жить стало еще труднее и не было веры ни в чудо, ни в лучшее — я услышала гортанный крик лебедей, закат солнечных лучей окрасил окна домов и снег немного розовым цветом, и лебеди величаво пролетели над нашим зимним городом. Они были прекрасны в своем полете.

Я стала оглядываться и смотреть на людей, чтобы почувствовать их восхищение, восторг и счастье, но все спокойно шли по своим делам. И я не видела ни счастливых, ни восторженных. Напротив, лица были озабочены и бесстрастны. Моя наивная детская мечта стала реальностью лишь для меня. Но я верю, что кто-то сможет увидеть гордых и прекрасных птиц, только для этого надо сильно желать, и тогда мечта станет реальностью.

* * *

В моей душе, неизвестно каким образом, появилась серебряная струна толщиной всего в человеческий волос, она начинает звучать в разное время и чаще всего неожиданно.

Работаю ли я дома, думаю ли над историями больных, сплю ли ночью.

Я пытаюсь приглушить ее звон или ослабить, но она настойчиво поет о своем. Я прошу ее:

Твои песни все блажь, надо думать о хлебе,

О том, как сейчас мы живем,

Она же мне нежно в ответ:

— Мир твоих мыслей прекрасен.

Покажи его людям — мой скромный совет.

* * *

В ту летнюю ночь небо смотрело на меня мириадами звезд, пугало и притягивало своей бездонностью.

Мой взгляд случайно поймал зеленую звезду-изумруд. Ее необычные лучи проникли в мое сердце, в них было что-то волнующее, непонятное для меня. Я пыталась отвести взгляд, но глаза упорно искали ту звезду...

Я встретила вас и поняла, что ждала этой встречи всю жизнь. Не видя вас, я чувствовала, что вы рядом. И тогда все вокруг становилось весомым значимым.

И вашим друзьям я завидовала, потому что они могут видеть вас

каждый день. И я постоянно чувствовала ваше присутствие.

В последние дни моего счастья весь мир опустел. Ваши друзья уже не выглядели столь прекрасными, как прежде. Я уже знала, что вас нет. С большой грустью я коснулась щеки вашего самого близкого друга...

Сейчас небо по-прежнему смотрит на меня мириадами звезд, но вас, моей звезды, там уже нет. Но тем счастьем, какое чувствуют родственные души, я живу. И слезы, и надежды появляются, когда я смотрю в ночное небо.

Л. Чадамба у поющих пещер в Эрзине

Сергей ПЮРБЮ

***

На прощанье, на скорбь нашей вечной разлуки,
Тьмой лица отстраняясь от всех провожающих лиц,
Вы не ждали обратно, не дарили любви побрякушек,
Ваша дружба была, словно черный ночной кипарис.

Подарите мне ветку своей вечной, неподкупной печали,
Ей укроюсь от невзгод и предательств земных,—
Потому что, когда мне напутствия громко кричали,—
Ваша горесть была, словно черный ночной кипарис.

***

Ты прекрасна.
Я долго бродил по степи, собирая цветы.
... Мой подарок завянет в заплывшей банке,
И обидишься ты.

Ты прекрасна.
Я много работал, чтоб осыпать тебя серебром.
В драгоценной оправе постареет родное лицо...

Ты прекрасна.
Украшенья – на лето, цветы – на весну.
Знаешь, осенью все потеряет свою новизну.

Ты прекрасна.
Завянет лицо,
Почернеет литье.
И останется только любовь и терпенье твое.

Переводы И. Принцевой.

Юрий КЮНЗЕГЕШ

СОНЕТ

Мы подошли с тобой к вершинам снежным.

Ты помнишь ли те прошлые денки,
Когда весной вдвоем, вперегонки,
Мы в поймах рек резвились безмятежно?

Между собой мы говорили нежно
(Пора б домой, чьи манят огоньки!),
луна глядит, и звезды высоки,
и Улуг-Хем журчит в дали безбрежной.

Я счастлив был. Как хорошел твой взор!..
И вновь луна, поднявшись из-за гор,
По девичьей косе скользит лучами.

В потемках глаз твоих – любви костер!
И сердцем я согрелся. И с тех пор,
Зажженное тобой, не гаснет пламя.

Перевод М. Скуратова

***

Опять кандьки
Зацвели вдоль склонов,
Подснежники, едва успев привстать,
Вздувают пламя синее бутонов,
Как будто собираясь рассказать
Мне одному
Из всех людей на свете
О радостях и горестях своих,
О вешнем солнце, что над нами светит
И ласково с небес глядит на них.

А ты?

Как солнце, свет даря веселью,
Не улыбнешься ль мне еще хоть раз?..
Услышу ли когда-нибудь твой голос,
Как счет кукушки в предрассветный час?

Перевод А. Ойслендера

***

Любовь с горою сравниваю я.
Как велика она – лишь покоривший знает.
Любовь с рекою сравниваю я.
Как глубока она – лишь переплывший знает.

Перевод Г. Некрасова

КОГДА КУКУЕТ КУКУШКА

Когда кукушки серой голос встревожит леса глубину,
Рисую в мыслях я, рисую одну забытую весну.

Услышав, словно забывают, что снег посеребрил виски.
Хожу по изумрудным травам через лесные родники.

И, песни светлые слагая, по всем ночам пою, пою, -
И возвращает мне кукушка как будто молодость мою,
Где, как награду, обещала мне песни лета и любви...
Но вот дожди пошли, и слышен шум опадающей
листвы –

Ворчанье осени... А песни – кому я песни напевал?
Ведь дочь соседей наших в жены увез чужой,
за перевал.

И только серая кукушка все мне толкует о весне,
Как будто надо мной смеется, все обещает счастье мне.
Перевод Н. Закусиной

Куулар УЛУ

ТИШИНА ГОБИ

Б. Явуухулану

Слепящи заката лучи, и сияние их
Пылает, коснувшись верблюжьих горбов золотых.

Безмолвна пустыня... Уста разомкни, укажи
Мне в сумерках путь... Но прекрасны твои миражи!

Вот черный верблюд вожакom выступает вперед.
Живой моринжур колыбельную Гоби поет.

С печальной мелодией ночь скоротаем вдвоем,
И я подыграю на старом хомусе своем.

* * *

Ждут меня небоскребы и биржи —
Там какой-то араб не к добру
Сочинив сатанинские вирши,
Будто суслик, забился в нору.
Но на пастбищах сочных и щедрых
Не найти моих быстрых коней, —
Я, наверно, останусь в пещерах,
Где Америка даже слышней.
В Переделкине ночью не спится.
Вижу, не зажигая огня,
Как, подмявши пространство и лица,
Снова танки ползут на меня.
Их напор беспощаден, неистов.

Над барханами хищно кружась,
Мировой каганат атеистов
Нами правит давно, друг Олжас!
По столице шагаю с опаской:
Я незванный чужак здесь, увы,
Позабывший в гостинице паспорт,
Не чеченец – буддист из Тувы.
Бровь нахмурил чугунный верзила —
Юрий? Петр?... — Кто таков? – Вот вопрос...
Нам держава опять погрозила,
Ищет классик потерянный нос...
Страшно... Строчку скорее зачеркать!
Одинок на Олимпе и гол,
Словно в бане холодной и черной...
Ну-ка, жару поддай, Черлиг-оол!
Я в парилке с Людмилой и Риммой,
И Наиной – носат, как кацо!
Наплевать, что носы из витрины
Окружают, сжимая кольцо...

Переводы А. Павлова

АНТОН УЕРЖАА

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕСЕТ КАМЕНЬ

— Опять он между нами тихо бродит
И белый камень на плече несет,
И ищет взгляд. И отпускает взгляд.
И снова чей-то взгляд силками ловит,
А в глубине его безумных глаз
Светлеет тень тяжелой белой ноши.
— Кого он ищет? Чью он душу хочет,
Пугая наших сытых жен и нас?

***

Это я, забывший облик огня,
На плече несу кремь. Это я,
Чтобы искру высечь, ищу огниво.
У тебя его нет. Может быть, у тебя?

Это я, забывший облик любви,
На плечо поднимаю отгук-дажи,
Долго-долго тащу, чтоб очаг сложить,

Девять трав для боли своей сварить.
Но везде говорят – бесполезно искать,
Нет камней белизной моему под стать.

Это я, забывший облик дождя,
Свой волшебный камень, небесный чат,
На плече несу, чтобы ливень призвать.
Где шаман, что знает язык божества?
Голос чей прокричит заклинаний слова?

***

Белый камень, осколок остывшей звезды,
Душу жаром сжигает, одевает во льды,
Иссекает дождем
Все мечтанья о вечной нетленной любви
Хрупко бьются об острые грани твои,
Дальше вместе пойдем.

Да согнусь я под ношей небесных светил,
А когда для пути не останется сил,
Будь надгробьем моим.

Перевод И.Принцевой

Зоя НАМЗЫРАЙ

ЖДЕТ МЕНЯ МАМА

Величественно высятся здесь горы,
И для меня они по духу – тюрки.
Не спит аал,
Где я встречала зори,
Где ожидает мама меня в юрте.

Сверкает конус этой юрты белой
И солнце её щедро согревает.
Здесь,
Прикоснувшись к старой колыбели,
Меня малюткой мама вспоминает.

Когда весна взметнется над аалом,
Когда с чужбины возвратятся птицы,
С пиалой чая выйдя к перевалу,
Из-под ладони
Мама вдаль взглянется.

ЮРТА

За горными хребтами
Недвижны времена.
Там юрта моей мамы
Белеет, как луна.

Просторна и опрятна,
Уют домашний в ней.
Хранит она нарядный
Цвет юности моей.

Стремлюсь я к этой юрте,
Где мама меня ждет,
Откуда светлым утром
Мой начался полет.

МОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Благословенным был мой день рождения,
В объятьях солнца луч меня держал,
Он осветил мне мир в его цветенье.
Целебной силой напоил аржан.

Земная жизнь – божественный подарок
Судьбы,
Что улыбалась мне легко,
И, завещав любовь,
Она не даром
Ее с грудным смешала молоком.

За годом – год,
За праздниками – праздник,
За шагом – шаг.
Сквозь труд и пот дорог
Всегда я буду ощущать прекрасным
Мой день рождения –
Мой святой исток.

ШОНЧАЛАЙ

На осыпь гальки по уклонам горным
Упали блики солнечных лучей,
И шончалай, цветок нерукотворный,
Расцвел любовью юности моей.

Ах, сколько раз в прекрасный праздник мая,
Добра и счастья чувствуя угар,
Букет цветов весенних шончалая
Несла я маме,
Словно нежный дар.

Цветок мой золотой!
Хранит и множит
Твое цветение тувинский край.
Ведь сердце мне любимый мой встревожил,
Когда в руках ласкал он шончалай.
Расти под негой солнечного света
И становись пышнее, шончалай,
И красоту весеннего расцвета
Моим стихам и песням передай.

ПТИЦЫ, КОТОРЫЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Ничего из прошедшего я не забыла ..
Вот мы с мамой идем по дороге вдвоем,
Она крепкой рукой мне ладонь обхватила,
И, коров погоняя,
Разговор мы ведем.

Помню, утро дышало покоем и волей,
Легким ветром и светом касаясь ресниц.
И тогда я впервые увидела в поле
Незнакомых еще, удивительных птиц.

Опасаясь вспугнуть эту мирную стаю,
Мама тихо ее обошла стороной
И сказала: "Смотри –
Вон журавль взлетает,
Не тревожь его взлета, —
Накажет! Он—твой".

Слой тумана над полем редел журавлиным,
Теплый воздух его разносил над землей.
Этих птиц,
Моей мамой и мною любимых,
Провожали в полет мы осенней порой.

Так печалилась этой разлуке тогда я,
Когда в синь возносился крылатый их клин!
Мне казалось,
Что громкий их крик не растает
В этом мире, на сердце оставшись один.

Память детства живет,
Как предчувствие счастья,
Верю твердо:
Пока я живу на земле,
Этим птицам всегда суждено возвращаться
К своим прежним гнездовьям,
А, значит,—ко мне...

Переводы Э. Цаллаговой.

Сайлыкмаа КОМБУ

***

В минуты грусти –
Не печалься.
Судьбы счастливый миг
Вернется.
В несбыточность мечты
Не бейся.
Надеждой от утрат
Спасайся.
Когда-нибудь и ты
Вернешься –
И прошлое тебя
Коснется,
Без прежней горечи и грусти
Родным и близким отзовется.

***

Два берега – я и ты,
Душ тоскующих бурный поток
Меж берегами пролег.

Мост иногда ледяной
Воздвигнет меж нами зима,
Скованы стужей одной
Шагу не можем ступить.

От ожидания вдруг
Сквозь толщу серебряных льдов
Пробьется ручьем душа.

Хоть можно коснуться тебя,
Ты слишком далек от меня,
Меж нами кипучий поток.

Два берега — я и ты,
Душ тоскующих бурный поток
Меж берегами пролег.

Перевод С. Ондур.

***

Ты уехал за мечтою,
Расстоянья сокращая.
Не созревши, расцветая,
Я озябла — видно, осень.

Теплых слов твоих не стало,
На душе сквозит лишь иней.
Где ты, прежний взгляд лучистый?
Да осталось только чувство...

Охладел, погас светильник.
Дни без радости сползают,
Эти блики моей боли...

Перевод Вл. Кан-оола.

Владимир КАН-ООЛ

***

Переболел тобою я давно,
Багровые закаты позабыты.
Но вдруг попал в повторное кино —
Вернула память все твои заботы.

Экран мелькал под шелест губ твоих,
И била дрожь отчаянной судьбою.
На черном небе — звезды на двоих.
Как много счастья я носил с собою!

И вспомнил вновь задорное: "Лови!",
И ветра посвист, неба колыханье...
Экран туманит, где там соловьи!..
К губам склонилось легкое дыханье.

Жестокое повторное кино!
И первая любовь, ее забавы...
Приду я робко под твое окно.
В лугах нас ждут некошенные травы.

* * *

В прозрачной и звонкой капели
Заплачет тихоня апрель,
Тревожны не просто недели,
А нашей судьбы параллель.

Но все же в росистых рассветах
Я слышу земную судьбу,
Как пращур в ветхих заветах
Мою записали мольбу.

Над юртами бури темнели,
Теплился очаг среди снегов,
Сомкнулись во мне параллели
И предков святая любовь.

Алексей БЕГЗИН-ООЛ

СВЯТЫНЯ

Не дойдет человек,
Не увидит отныне
В колыбели усталой,
Но верной души
Образ девушки той,
Что храню, как святыню,
И не мыслю без этой святыни прожить.

Этот образ приходит, когда меня мучит
Одиночества плен,
Как болезненный вскрик.
Теплым ветром рассеет он грозные тучи,
Чтобы снова увидел я солнечный лик.

И зимою холодной
Из сумерек мгlistых,
Превратившись в морозный узор на стекле,
Засияет звездой она серебристой,
Мои сны охраняя в ночной тишине.

Среди мук она стала блаженною вестью,
Водопадом, скользящим с небесных высот.
Никому из людей до сих пор неизвестный,
Образ девушки в сердце святыней живет.

КАЗНЬ

О! Тяжко виснут совести оковы
На алтарях из почести и славы.
На казнь и муки обречен я снова,
И сорные в душе возрастают травы.

Фальшивой славы трон уже качает,
И блеск его со временем тускнеет.
Души казненной
Стертые печати,
Как плети,
Истязают меня с гневом.

***

У свадебной фаты твоей подруги
Еще узор не выцвел кружевной,
Как разлетелась весть по всей округе,
Что стала она скорбною вдовой.

Так почему ты, бешено ревнуя
К ней без причины мужа своего,
Ей бросила в лицо в минуту злую
Обидных слов презрительный плевок?

А ведь когда она жила при муже,
И радость расцветала,
Как в садах,
Ты с ней была и ласковой и дружной,
Как говорится:
Не разлей вода.

Никто от смертных не уйдет объятий,
Никто веками в мире не живет.
Ты черное пока не носишь платье,
Но, может, этот день еще придет.

СТИХ НАСЫТИВШЕЙСЯ ДУШИ

Смолкла компания шумная пьяниц,
Рюмки последние выпив до дна.
Кружит сознание,
Как дьявольский танец,
Тяжкая давит меня тишина...
В сердце ни мыслей, ни чувств нет красивых,
Порознь сидим мы в молчанье стыдливом.
В пьяном угаре разрушены связи
И сожжены нашей дружбы мосты.
Досьга выпив,

Облили мы грязью
Чистые чувства,
Святые мечты ..

Не превратись на исходе дня
В пыль и опилки тружлявого пня.

Переводы Э.Цаллаговой

Сергей ОЛЗЕЙ-ООЛ

***

Девчонка длинноносая у юрты белоснежной
Рукой махала мне, в халате голубом,
Слова безмолвные шептали губы нежные,
Ручьи звенели, и цвели цветы кругом.

Ах, этот сон, зачем его приход?
Забилось сердце, вспомнив о былом.
И чувств, и мыслей грянул хоровод.
Беззвучно эхо в воздухе пустом ..

***

Седина в голове, и по прошлому грусть,
Но мы верность храним, как у двух журавлей.
Улетают года, что ж поделаешь – пусть,
И об этом, мой друг, не тоскуй, не жалеи.

Мы пришли в этот парк, посидим, подождем,
Скоро небо слезой вдруг на тополь заплачет.
Жизнь прекрасна всегда, жизнь идет чередом.
Ты, пожалуй, молчи, ведь не скажешь иначе.

***

Я помню Франции цветы,
О них напомнила мне ты.
Лишь внешней красотой пленя,
Они не тронули меня.

Эмма ЦАЛЛАГОВА

Вот они – в небе,
То стаей, то парами,
Путь их всегда
Устремлен на восход.
Есть ли меж птиц
Пожилые и старые? –
Что-то тяжелой

Я стала на взлет
Что-то цветы меня
Больше не радуют,
В брENNую плоть
Превращается стан,
И неуютно мне
С горькою правдою,
И прикормил меня
Сладкий обман.

Я у судьбы побираться не брезгую,
Крохи здоровья беру напрокат.
Врезан мой путь
Потемневшею фрескою,
Вехой туманною
Прямо в закат.

То ли пригрезится,
То ли приснится мне,
Как совершаю последний полет,
Как от заката
Стареющей птицею
Снова лечу,
И лечу –
На восход.

***

Ни в чем не знала я
Разумной меры,
И мудрость середины золотой
Меня слепой не наделила верой
И в жизни не была
Дружна со мной.

Взахлеб дыша июльскими лесами,
Душа провозглашала свою власть.
Мы улпывали,
Облекаясь снами
И не боясь
Проснуться и упасть.
И забывали часто о молитве,
Другие истомили нас слова.
От ворожбы
И сладости их ритма
Кружилась беззаботно голова.

Нет паузы:
Продолжится паренье,
Незримые внизу,
Вздохнут сады.
Есть упоенье
Даже у паденья,
Когда оно вершится
С высоты.

ОБНИЩАНИЕ ВЕРЫ

Сегодня захлестнуло нас опять
Поветрие гигантского размаха:
Мы стали еще чаще поминать
И призывать Иисуса и Аллаха.

Служитель – но не Бога –
Суеты
Бесстыдный пир “аминем” освящает,
И, обрета корыстные черты,
От многолюдья вера
Лишь нищает.

Молитва – только щит от дней плохих,
Повязка для гниющей в теле раны.
Бога ч спешит
Не замолить грехи,
А завалить их щедрыми дарами.

Всевышний должен стать для всех врачом.
В монастырях и в церкви,
Где обитель
Должна быть божья,
Бродит со свечой
Не истинная вера,
А проситель.

Невежество не молит об уме,
А подлость не желает благородства.
Святые ритуалы на земле
Сменились богогультвом и юродством.
Пустое сердце,
Но персты—у лба,
А взор в иконный лик
Просяще вкручен.
И страшен век,

Когда твердит толпа
Молитву "на авось",
На всякий случай.

Инна ПРИНЦЕВА

ЭТОЙ ВЕСНОЙ

Этой весной метет пурга,
Словно стегают плетью.
В конце пути о борт корабля
Жесткий ударит смех.

Этой весной все не в масть,
И шорканье серых льдин
Напоминает взаимную страсть –
Отчалить и дрейфуй один.

Звезды уже довольно давно
Отводят прохладный взгляд.
Я просила и плакала, но –
Несколько жизней назад.

Осенние прорастут семена,
Пчелы сберут свой мед,
Буду на палубе ледяной
Жизнь – танцевать – напролет.

***

Этой весной плачут от старости
вечнозеленые листья
И птицы с сиротской повадкой худы и грязны.
Ночами по крышам фланируют крупные сны, -
Опаленные мертвые метеориты,
Металл подводных хвостов и волос,
Праведность юных объятий...
Летом всплеснет в её теле рыбка этой весны.

***

Этой весной за стеклом
Долгий праздник ветра.
За струистым стеклом
Из асфальтового моря
Мутной чешуей
Всплескивает хвост одиночества.
Оно плавает

И вздымает шумные волны,
И зеваает в глаза
Откушенной луной...

А ты очень маленькая рыбка,
Тебе нужно жить в аквариуме,
Подплывать к окну
И под защитой большого цветка пузырять:
— Все еще ветер... О-о-о...

***

Этой весной
не пришли –
привези мне цветок апельсина,
А не ветвь кипариса.
Потому что зима – госпожа,
И на женщинах дохлые лисы,
Потому что хочется сини и рыжих листьев,
Потому что финансов нет уехать на море,
Потому что у всех своя ноша и горе,
Потому что дни выхляют обвисшим задом..
И гость стоит за левым плечом –
Непозволительно рядом.

***

Что касается душ..
и потемки, и тема заезжена.
Зажигая рассудок, и чувства слегка заглушив,
Сразу видишь летящих из ласковых сумерек
Сумасшедших, бессмысленных бабочек лжи.

Но на этот огонь и иные слетаются –
И однажды, случайно попавшая в гадостный рой,
Обожжется огнем и крылатая легкая радуга,
Осыпая огонь золотистой нездешней пылью.

***

Лукавый посвист.
Юный пересмех.
Пивнушки на углах дощатых рынков,
Где есть теперь и “свежий хлеб”, и снег.

Вдоль сумеречной улицы скользя,
Нырять в мокрых хлопьях снегопада,
Я знаю, что счастливой быть нельзя:
Нельзя, недальновидно и опасно,

Что тошно по утрам вставать зимой,
Что старики и птицы мрут и мерзнут...
Но в снегопаде слышен голос твой –
Касанье снега к теплой коже горла.

Скользя по переулкам ноября,
Дразня мужчин и раздражая женщин,
Мурлычу, что счастливой быть нельзя:
Бессовестно, нечестно и чудесно.

КУЧУМ

Привет, Кучум.
Привет, мой черный пес
— теперь седой.
Поплачем потихоньку малодушно –
к щеке щекой.
Вернулась, как обещано,
к закату
не жизни — дня.
Дружок, меня однажды спасший —
веди меня.
Река весенняя буйнит
и крут обрыв,
и этот вешний, свежий вечер –
для нас двоих.
Косматый пес, душа-деревня,
облезлый хвост...
мы просидим с тобой, обнявшись,
до первых звезд.

***

Ждут кротко,
Хлопочут давно и бессонно
В убогоньких комнатах
Забьтого дома
Ушедшие в землю.

Не веря дожждаться –
Готовятся к встрече
Ликующим утром.
И плачут, обнявшись,
Безжалостным вечером.
Паскает, седая, в моей колыбели
Рожденное смертью сиротское время,

И нежности учит, и смех ее звонкий
Щекочет рожденного смертью ребенка,
И нету шагов ее легче и тише –
Лишь я их узнаю, лишь я их услышу,
И дедова взгляда весеннюю зелень
Лишь я умыкну из последней постели.

Вы мне повелели, вы так приказали –
Смогу ли наш дом отогреть от печали?

Кондратий Емельянов

БЕССОННИЦА

В то время ночное, когда утомленные люди,
укрытые сном, словно тонкою тканью плаща,
от горьких дождей, прожигающих светлые будни,
мечтают о солнце, но нежатся в лунных лучах,
я тоже хочу раствориться в загадочной дали,
не вспомнить о том, что когда-то ласкали глаза,
что слух поглощал и чем легкие долго дышали,
о том, что когда-то кому-то зачем-то сказал.
Но бедное сердце меня поднимает с постели,
к рассвету опять заставляя мой взгляд обращать,
и я понимаю, что жизнь состоит из прощений:
никто никогда никому ничего не прощал.
Тогда понимаю, что сам я – одно подражанье
дрожащую росы и пустынным зыбучим пескам,
паренной орла и змеиному колкому жалу,
Вселенной, которой так тесно в моих же висках.
Всесильный в усталом бессилии, вижу я часто
далекого предка: добычу свою волоча,
охотник плетется, и тянется песня о счастье.
Та песня печальная – исповедь, плач палача.
И мне ли прощать его жизнь или верить в отмщенье
за слабости предка, чье солнце угасло в мощах?
Но солнечный свет продолжается солнечной тенью, -
и мера спасения учит достойно прощать.

Но звездного света и лунного ночью мне мало,
и страшно, что солнце надолго угасло во мне:
не выгорит горе, не высохнет грязь, что пристала
к подошвам сапог, разбивающих твердость камней.
В свой жизненный век мы себя отстояли, сумели.
И видится время мое в тех разбуженных снах
то пулею, пущенной предком в далекие цели,
то целью, которая пулей поражена.
По тем ли дорогам бреду я в потемках так часто,
добытую предками тяжесть с собой волоча?
Но солнце восходит, и слышится песня о счастье.
Безбрежная песня, в которой таится печаль.

* * *

Нам горе щедро раздает советы.
Свободу неба трогают кресты.
Герои подражают Сыну Света.
Любовь есть свет, и нет в ней темноты.

* * *

Светлячок играет на свирели,
Теплый ветерок печалью сочен.
В сумеречных травах онемели
поцелуи позапрошлой ночи.

* * *

Не отвергай себя в минуты горя.
Вопросов безответных не решить.
Врастают в память огненные корни,
И это древо надо сохранить.

* * *

Уходит нежность поступью протяжной.
Мизинец тонкий чертит пыль стола.
Я отказался – добрый и вальяжный –
От искушений страждущего зла.

* * *

Ты – мое отраженье,
Пораженье мое.
В перерывах решений
радость встречи поет.

* * *

Искры костра – искренность.
Всполох в очах – камни в лучах.
Поле мое – полное
Боли моей в полночи.
Помнишь меня? Пой во мне.
Выживу я. Полно мне.

***

Открой окно!
Там мир, подобный шелку.
Там ласточка, подобная тебе.

***

Солнце мое растаяло,
ветер ушел, исчез.
Я одинок в печали.
Знаю, что я здесь.
И у стены вздохну я, -
это свободы жест.
Истину непростую
Вырезал, словно жесть.
Радостная Невеста, -
высятся купола.
Дайте и мне воскреснуть, -
звонница позвала.
Очи мои, очи.
Плачу, совсем не слаб.
Если душой прочен,
в мыслях не будет зла.

Ольга НЕСТЕРОВСКАЯ

Поздняя осень

Асфальт морщинами исчерчен.
С травой пожухлоу газон.
Осенний круг давно заверчен,
Но до конца не завершен.

Утрами инеем белесым
Покрыты крыши и душа.
Тропой идет она безвестной,
За одиночеством спеша.

Вот потому при первом снеге,
Как дети радуемся мы.
Он скрыл скелет осенне-пегий,
Украив алмазы у зимы...

И ЕЩЕ РАЗ О ЛЮБВИ

Она и он стояли под дождем.

Она, тихонько слезы утирая,
Была в промокшем платье простом.
А он молчал, дождя не замечая.

Но песнь любви рождается опять
От трепета безудержных желаний.
В порыве жаждет сущее объять,
Забыв о горечи дождливых расставаний...

СНЕГ

Выпадает снег по ночам,
Отрешенно и так безмятежно,
Когда все покоряются снам,
Разметавшись в постели небрежно.

Вечерами у жаркой печи
Согреваешь озябшие руки,
Засмотревшись, как пляшут огни:
Не страшны ни мороз им, ни выюги.

Тихо вьется уютный дымок
Из трубы в синеве звездно-стылой.
Подведешь новогодний итог:
Лишь бы сердце твое не остыло.
Лишь бы холод надменной зимы
Твоих чувств не коснулся жестоко.
Лишь бы пламя у жизни-свечи
Погорело любовью немного...

Выпадает снег по ночам...
Выпадает снег по утрам...
Выпадает снег по зиме...
Выпадает снег по судьбе...

Людмила САНЧАЙ

ВЕТРУ

Эх, ветер, что за утеха –
Обрывками слов и смеха
Швыряться тебе, старина!..
Ты помнишь, с тобою прежде
Частенько встречались здесь же?
Поодаль – женщина,
Точно струна.
Кого-то она ожидала.
Мольбой изваянной стояла,

Не видела нас с тобой.
А ты, шутник невозможный,
Однажды рукой осторожно
Провел по струне живой.
Вдруг,
Словно в хмельном угаре,
Прозрачным смычком ударив,
Заставил ее звенеть!..
Нет, никогда б не сумели
Струны скрипки, виолончели
Как женщины стан запеть.
Ах, ветер,
Как же играл ты,
Мой музыкант,
Как рыдал ты
Над песнью большой любви!
Дождь лился твоими
Слезами,
Взлетали тучи – кудрями,
И... вспыхнули слезы
Мои
Напрасно она стояла,
Фигуркою всею кричала:
“Приди же ко мне,
Приди!..”
... Все ветры –
во вздохе едином.
Метели застыли в седилах.
В слезе – утонули дожди.

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

Мимо Ненависти-сплетницы
Год за годом скромной девицей
Проходила раскрасавица

Любовь.

Вместе с Завистью и Ревностью
Осуждала “шлюху” Ненависть,
Кости ей перемывала вновь и вновь.
Как-то к Ненависти сгорбленной
Подошла старушка гордая,
Прядь седин смахнув

с прекрасного чела.

Торжествует сердцем Ненависть:
“Вижу, сражена ты немощью, —
Старость, значит,

Торжествует сердцем Ненависть:
“Вижу, сражена ты немощью, —
Старость, значит,
и тебя таки нашла!.. ”
А Любовь ей тихо молвила:
“Средство старость изготовила,
чтобы юной красотой мне блистать.
Я бы выпила то снадобье,
Но его, считаю, надобней
Дать тебе —
Чтоб молодою снова стать.
Но не ненавистью прежнею,
А любовью самой нежною
Будешь ты спесивый мир
Сводить с ума”.
Как же Ненависть накинута
На Любовь:
“Да чтоб ты сгинула!
Эту гадость пей,
блаженная, сама!.. ”
“Что ж, испью... ” —
перекрестилась тут Любовь.
Стала юною,
прекрасной девой вновь.
Только ею и живет белый свет.
Без нее и ненависти нет.

Мария КУЖУГЕТ

ТАК БЫВАЕТ ВСЕГДА

Так бывает всегда,
Когда жизнь улыбнется вдруг,
И одарит богатством.
Будет полный двор родни:
И сестра ты любимая им,
И милая дочь,
И сватья щедрая ты,
Золотая сноха,
И подруга, золовка, свекровь,
И даже теща сердечная,
И многим разным таким
Ты самая близкая —
Так бывает всегда.

Так бывает всегда —
Отвернется удача вдруг

Вчерашней большой родни:
Простынет и след.
Ты теперь не сестра,
Не дочь, не подруга, не друг,
Не золовка любимая ты,
Не кума, не сноха –
Ты уже не родня никому.
Так бывает всегда.

* * *

Не дожидаясь таянья снегов
В своем аале,
Через сугробы ты не поспешил
Ко мне, любимый.

Нить ожидания сколько мне прясти
Тебя не видя,
И долго девичью свою в ночи
Опять жалея.

В душе штормит сомнений океан
Который месяц,
И время юности летит
Уж не напрасно ль?

Не дожидаясь таянья снегов
В своем аале,
Через сугробы ты ко мне спеши
Пока не поздно.

Переводы С.Ондур

Юрий Вотяков

ПРОЩАЙ, КАВКАЗ

*Вотякову Федору – рядовому,
Капитану Васильеву – ком. роты,
Скрипко Алексею – рядовому.
Всем спецназовцам Бердской
бригады спецназа, участвовавшим
в чеченской кампании.*

А по ночам, за сполохом зари,
Страницы прошлого листает моя память.
Там в синеве кружились сизари,
А снегири мороз рябин клевали.
Прощай, Кавказ, и злом не поминай.

Прощай, Кавказ, пусть наша боль остынет...
Не снегири, а пулеметный лай,
Наверно, будет сниться мне отныне.
Не снегири, а пулеметный лай.

Служить не грех, но как же примирить?
Войну и заповедь Христову – НЕ УБЕЙ...
Служить не грех, но взрыв среди камней,
И друга раненого крик...
Я уезжаю в свой сибирский край,
Не разглядев, Кавказ, твое очарованье.
Я посетил тебя не вовремя – ПРОЩАЙ! –
Война и кровь – мои воспоминанья.

Прощай, Кавказ, и не попомни зла.
Прощай, Кавказ, - мы все живем под Богом...
И нас, наверно, вера берегла
От пули на твоих дорогах.

КТО Я?

По-осеннему стонут ставнями
деревень позабытых дома.
Небо дождиком сыплет, как гравием,
на бревенчатые терема.

Мне-то что! Городскому жителю...
В сером свете асфальтовых дней
просыпается вдруг как в обители,
память предков в душе моей.
И душа моя грустью мается.
Бьется вымпелом на ветру.
И раскачивается маятником –
Кто я?.. Чей я?.. Куда иду?..

И когда лист осенний кружится
В золотистом течении дней,
Я прошу: дай мне, господи, мужества –
Помнить, кто я. Откуда. Чей.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

А сегодня на тебе такое платье!
Выглядишь ты в нем царицей бала.
Только царственности той едва ли хватит
Скрыть живущую в глазах усталость.

Ну, на час, а может быть, и на два
Будешь ты беспечной и веселой...
Жизнь не пансион, но все же школа –
чаще это школа выживания.

Ну да что я, милая, канючу
и хриплю, как загнанный рысак?
Будь веселой, если выпал случай,
и не прячь ни от кого глаза.

Ведь сегодня на тебе такое платье!
Выглядишь ты в нем царицей бала.
Так и будь ей – сколько силы хватит –
Радуйся, что карта так упала.

* * *

Перечеркнуть бы жизнь
и все начать с начала,
как будто не было ни веры, ни страны,
как будто мое детство не качалось
в пеленках мировой войны.

Как будто моя юность не стояла
В цеху гудящем у токарного станка...
Перечеркнуть бы все – начать с начала –
Да вот не поднимается рука
На женщину, которой сорок лет...
Мне хочется любить ее, ей верить...
Но лязгают в подъезде двери,
Здесь посторонним входа нет.
Да и зачем входить?
Дома, как пересылки.
Решетки в окнах,
А в дверях глазки.
И мимо проходя,
Я чувствую затылком
Настороженные, взведенные курки.

И женщина, которой сорок лет,
Она живет, как я, в надежде и тревоге.
“В отечестве своем пророков нет”...
И все мы люди,
Люди, а не боги.

ГОСТИ ЖУРНАЛА

РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ

Михаил КИЛЬЧИЧАКОВ

МОЯ ХАКАСИЯ

Хакасия, край мой! Родные просторы.
Вы мне улыбаетесь морем огней.
Широкие степи, высокие горы
Навеки в душе сохранятся моей.

Мне слышится песни девчат круглолицых
На тучных полях, где работа кипит.
Та звонкая песня их—вольная птица –
Шахтеров в глубоком забое бодрит.

И где бы я ни был, я в думах с тобою,
Родная Хакасия – солнечный край!
Ты вышедших и знанью дорогой прямою
Детей своих с Ленинских гор ожидай.

И рада столица – Москва дорогая,
Привет через дали тебе она шлет,
Как мать, за ребенком своим наблюдая,
Когда он впервые на землю встает.

И рада столица тебе, возрожденной,
Хакасия – младшая из дочерей.
Красуйся, расти ты, мой край обновленный,
Согретый заботой отчизны моей!

Перевод А. Чмыхало.

ЛЮБОВЬ

Я пускался мыслями в дорогу,
Я седлал крылатого коня,
Сам себя выпрашивая строго:
Чем, любовь, ты стала для меня?

Я искал примеров и сравнений
В глуби моря, в солнечной выси.
Ты не веришь, милая? У тени,
У моей, у собственной – спроси!

Если я иду тропинкой в гору,
Скользкий камень под ногой звенит —
Ты мой посох, ты — утес, который
На пути от ветра заслонит;

Если вдруг устану, ослабею, —
Обоймешь прохладой молодой,
Если заблужусь в глухой тайге я, —
Вспыхнешь путеводною звездой!

Наталья АХПАШЕВА

ЧИНГИЗИДЫ

Злых коней поторапливай плетью —
Мы дойдем до последних пределов.
Широко развернулись над степью
Крылья непобедимых туменов.

Страны мнем, как ремесленник глину,
От Великой стены до Памира.
Мир согнет одряклевшую спину
Под железной пятой джиджангира.

Брось седло в головах на привале!
У костров у полуночного стана
Вражье мясо росой запивали
Меднолобые псы Чингисхана.

По законам божественной Ясы
Мы стремились и единственной цели.
Светит солнце по-прежнему ясно.
Наши кости в курганах истлели.

Но сжигает высокая дума,
И столетиями долгими снится —
Над руинами Каракорума
Черной точкой дрожащая птица.

Если мы не восстанем из праха,
Никому уже не доведется
Шар Вселенной решительным взмахом
Завернуть в пыльный плащ полководца.

НАЧАЛО НОВОЙ КАРМЫ

Ветхих сутр вертикальная вязь.
Вечный Будда глядит и не дышит.
Ароматная дымка взвилась
И черепицам изогнутой крыши.

В мелких трещинах свод потолка.
На ступенях нечеткие блики.
Отдыхают от странствий века,
И пылятся священные книги.

Слишком резки движения мои
В полумраке прокладного храма.
Будда, не улыбаясь, глядит.
Начинается новая карма.

Серебрится, колеблется мгла.
То яснее, то глуше и глуше
Шелестят надо мною два крыла –
То ли голуби, то ли души...

Валерий МАЙНАШЕВ

ПЕСНЯ О ДРУГЕ

В старой печке огонь не унять,
Будто рыжий разбойник свистит.
Говорит моя бедная мать:
"Значит, кто-то и нам в гости спешит.
Ты плесни рюмку водки в огонь,
Хлеба с салом кусочек подбрось.
Как бы ни был от нас далеко,
Пусть в пути не томится наш гость".
Снова в печку я дров подложу,
Посижу при веселом огне.
Днем и ночью я жду не дождусь,
Чтобы друг постучался ко мне.
Ах, огонь, поскорей засвисти,
Чем смогу, поделюсь я с тобой,
Только б друг мой не сбился с пути
И в ночи не прошел стороной.

Перевод автора.

КРИК БУРУНДУКА

Над горой заря в безмолвии плывет,
И тайга плывет в могильной тишине.
Бурундук лишь только голос подает,
Как иголкою он душу колет мне.

Пробуждает в ней неясный древний зов.
Может, слышатся мне предков голоса?
Говорят, ведь люди вышли из лесов.
Слезли с дерева – покинули леса...

Почему же я не птица и не зверь,
Иль не пихточка вот эта под ложком?
Жил бы я тогда, не ведая потерь,
С человеческой печалью незнаком.

Перевод А. Щербакова.

РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ

Аржан АДАРОВ

МОЯ ПЕСНЯ

Овечьей шерсти запах кислотовый,
Улыбкой – месяц в зеркале ручья,
Труды и дни, рассветы и закаты –
Все это ты, поэзия моя.

Ты – горы заповедного Алтая,
Ты – песнь чабанки, матери моей,
Ты – все, к чему душою припадаю,
Я становлюсь сильнее и мудрей.

Ты – век. Ты – жизнь, то добрая, то злая.
Сибирь, Москва. И путь в небесной мгле.
Ты в час предгрозы – первая, сквозная,
Медлительная капля на стекле...

Пусть буду брошен женщиной родною,
Пусть предадут случайные друзья –
Все вынесу – лишь будь всегда со мною,
Везде, во всем, поэзия моя.

Перевод И. Фоякова.

НА РОДИНЕ МОЕЙ

На родине моей серебряные ливни
По кедрочкам нехоженым шумят,
И песни пастухов, напевны и наивны,
К высоким звездам на заре летят.

Задев крылами горные вершины,
Рассвет в долины сонные спешит.
Туманы белые над водами стремнины
Клубятся, будто пыль из-под копыт.

На родине моей пугливые маралы
Копытным звоном выстлали простор,
И солнце-богатырь кладет устало
Ладони теплые на плечи синих гор.

На родине моей из сказочных соцветий
Косули дикие утрами росы пьют
И радуги, которые столетья
Цветам Алтая окраски отдают.

***

На Алтае моем, где луна, как слепец,
Равнодушно глядит на высоты,
Есть места, на которых оставил отец
След во время последней охоты.

Там теперь только кедры сурово шумят
Да над ними пугливые звезды дрожат.

А когда у вершин из полуночной мглы
Проступают неясные лики,
Тщетно ищет отца по лесам амыргы¹,
Надрываясь в безудержном кличе.

Услыхав ее голос, бегущий марал
Замирает у камня седого,
Будто он на таежной тропе увидал
Сохранившийся след зверолова.

А отец мой давно погиб на войне...

Переводы Н. Черкасова.

---

¹ Амырга – деревянная дудка для приманивания маралов.

ГОРНАЯ ШОРИЯ

Тебир КОСТОЧАКОВ

* * *

Нет выше гор, чем горы Шории!
От них полвзмаха до Луны.
Они, как чувства пережитые,
Очарования полны.
На них, укрывшись хвойной чащей,
Дома, как гнезда на стволах,
Вода, бурунами кричащая,
Прозрачна, пениста, светла!

Нет лучше гор, чем горы Шории!
В них даже камень, как цветок:
Простые краски там дополнены
Тем, что прошло и мило что...

АЛТЫНШШ АРБАЧАКОВА

* * *

Мой величавый шорский народ,
На жизненном долгом твоём пути
Пусть твердыми будут руки твои!
Пусть крепкими будут ноги твои!

Семя шорское не распляй,
Богатырский кай¹ свой не забывай,
В счастье и в здравии вечно живи!

* * *

Имя моей звезды – Шолбан,
Я под ней сотворилась однажды.
Она ведь звезда любви,
Но я оказалась ей не по нраву.

***

Погоди, дай только
Слез росинкам скатиться –
И я выпущу когти кошки!

***

Полную чашу горького
Залпом выпила.
Тебе, о чем молчала долго,
Разом выпалила.

---

¹ Кай — героическое сказание

***

Принизить тебя –
Язык мой не повернется.
И возвысить тебя –
Сердце мне не велит.

***

Почему вы,
потомки шорских богатырей,
Родину и белый свет
навсегда оставили?
Почему вы,
взяв иноплеменных жен,
не свою,
а чужую землю прославили?
Почему вы,
сражаясь под стягом чужим,
остались навечно лежать,
обнимая не землю родную?
Возвращайтесь домой!
Возвращайтесь, родные, прошу!
Без вас народ
разбредется, никнет, живя молчаливо,
без вас земля
быльем порастает.

***

Священная береза пышно-ветвистая,
Шорию оберегая, растет.
Белоствольная береза Ульген-Хана,
Небесную синь пронзая, растет.
Вот только в родной Шории
Она своему народу
уж не нужна.
Увы, и шамана нет,
Ветка священной березы
ему не нужна.

***

Далекie горы Шории
В земле божественной вознеслись.
И духи тех горных долин
Изредка
посещают меня
во сне...

* * *

Обрываются звуки кая,
идущие из веков,
Нет голоса молодого,
что мог бы кай подхватить.
Дух знаменитого шорского кая
Навсегда оставляет наши края.
Замолкает кай,
Замолкает шорский язык –
Невозможно им
жить друг без друга.
Ведь покуда звучит кай-комус –
бьется сердце народа...

* * *

Так же,
Как рыба без чистой воды
не сможет нырять,
А птица без чистого неба
не сможет летать,
А зверь без чистой тайги
не сможет дышать,
Так и народ мой без своего языка
не сможет мечтать

КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Борис БУРМГИСТРОВ

* * *

Душа, напомни о себе,
Как Солнце после долгой ночи,
Как Свет в зашторенной судьбе,
Как Слово после многоточий...

Как Лик святой на полотне,
Среди других неповторимый,
Душа, напомни обо мне –
Моей единственной, любимой.

Душа, на зов мой отзовись,
Меня, заблудшего, вдруг вспомни,
И прикоснись, и прикоснись
К немьм устам, и... Слово молви!

* * *

В своей стране мы не свои.
В чужой стране совсем чужие.
Да где ж вы, русичи мои?
На сердце раны ножевые.
Ну, как мне вас поднять с колен? –
Стыдитесь – витязей потомки!
Не тело, дух отдали в плен,
И вот стоим у самой кромки,
У края пропасти стоим
И озираемся пугливо.
И Родины горячий дым
Плывет над нами сиротливо.

РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ

ЛОПСОН ГЕРГЕНЕВ

О время, милосердья жажду:
Не будь к судьбе таким жестоким,
Позволь войти мне в реку дважды,
Душой испить свои истоки.
Но знаю: что все закрыты двери,
И в прошлое не достучаться.
Со всем, чему я свято верил,
Теперь расстался, одинокий ... часто
Ночами я года перебираю,
Как древние сандаловые четки,
Их провожаю – птиц осенних стаю,
И тени их просты и четки.
Казню себя, что был наивным, глупым,
Что верил не земле – далеким звездам.
И вот теперь, мужчина, плачу скупю,
Молю тебя, о время, хоть и поздно...

Перевод Р.Шойморданова

ВИКТОРИЯ АЛАГУЕВА

БУДДА

Могилы сравниваются со степью
Степь сравнивается с пустыней.
По пустыне ходит ветер
И не слышно песен.
Мы разговариваем чужим языком.
Думаем на чужом языке.

Песен своих и молитв мы не знаем.
Сказок, обрядов не знаем.
Но улыбается Будда,
И есть надежда.

ГДЕ ТЫ?

Я длинные годы разлуки
Переживаю секундами,
Где каждая – вой
Над неостывшим пеплом.

* * *

Избыток любви –
Это смертная мука.

Мы блуждаем,
Одинокие, гордые, скорбные,
С сухими глазами
И рыдающей душой,
Руки тянем и губы друг другу.
Находим сырую пустоту.

Слишком часто я крылья менял
Белые на черные.
Сердце смертное я закалял.
Льдом и пламенем.
Я горел. Умирал. Воскресал.
Ненавидел. Любил.
Отрицал.
Я был прав.
И, конечно же, был неправым.

* * *

Теплое серебро солнца.
Розовое серебро льда.
Трепетное серебро берез.
Дымное серебро тумана.
Серебряный звон
Обледенелых крыльев весны.

Валентина ЦЫРЕНОВА

Меня полюбили собаки и дети,
Раньше обходившие стороной...
Что же случилось со мной?
Может, прозрела душой?

Прошла любовь,
Я вижу вновь душу свою
Бесконечно маленькой звездочкой,
Отчаянно яркой в огромном черном
Пространстве пустоты.

Душа имеет форму матового шара.
Когда влпобляется,
Шар принимает образы цветов и птиц,
И получает теплый мягкий свет,
В котором растворяется сознание,
Когда уходим.

Ты боишься меня,
Я – тебя,
Потому что мы одна судьба...
А судьбы боятся все.

Ощущаю тело,
Как тончайшую оболочку
Крепчайшего духа

Чувствую чужие взгляды,
И в душе взгляд Вселенского разума,
Как огромный глаз,
Во все пространство неба,
Всевидящий,
С хрустальной косою из Байкала.
Ты словно женщина
Из сказки, что восстала.
Чиста и величава красота твоя,
Боюсь, не погубила бы она тебя.

Звонящею звездой
Взошла я в пламень бытия,
Чтобы пройти Огонь,

Ведь я – Поэт.

Дорогие читатели!

Мы знакомы с вами – 60 лет тому назад родился Союз писателей Тувы в суровые военные годы, прошел становление в годы Советской Тувы, вошел в XX век.

Мы перелистываем страницы литературного наследства, вспоминаем классиков тувинской словесности: С. Сарыг-оола, С. Пюрбю.

Вспоминаем друзей тувинской литературы: А. Емельянова, С. Козлову, С. Гудзенко, С. Щипачева, М. Скуратова, А. Преловского, Ю. Кузнецова. Сад тувинской поэзии расцветает новыми талантами: М. Монге, Д. Сылдыса, О. Менги, О. Тун-оола, Р. Лудупа, Б. Казырькпая, Т. Очур, С. Ондур.

Тува – заповедный край древних курганов, прекрасной тайги, озер, степей с гортанным пением табунщика, орлиным танцем хуреша, каменных дел мастеров агальматолита – мягкого камня, археологических открытий мирового значения, край туристов со всех концов света.

У каждого народа свои обычаи и традиции. Традиции – великая плодотворная сила. Мы живем в центре Азии, объединяем Евразию. Мы не изменили добрым традициям. Нас волнуют проблемы исторической памяти духовного наследия, религии – шаманизма и буддизма, экологии, человек, цена его жизни и труда. Мы ищем молодые таланты. В “Улуг-Хеме” – главном нашем журнале — печатались лучшие произведения тувинской литературы: Чечек и Алдын-кыс, Тывыкы, Ангыр-оол и Буян воспитали молодое поколение.

“Улуг-Хем” стал культурным явлением, любимым народным чтением. Мы хотим, чтобы тувинская литература стала частью мировой литературы, вышла на мировую арену. Мы ждем новых исторических романов, публицистику, сатиру, фантастику, поэмы, пьесы.

Просим спонсоров поддержать тувинскую литературу и язык. Помогите дойти до каждой семьи, школы, библиотеки. Присылайте стихи, рассказы, воспоминания, переводы.

*Надеемся на вашу поддержку, дорогие наши читатели!
Редколлегия журнала “Улуг-Хем”.*

Профессору Д. С. Куулару – 70 .

Сердечно поздравляем нашего друга, уважаемого профессора Д.С.Куулара со славным 70-летием.

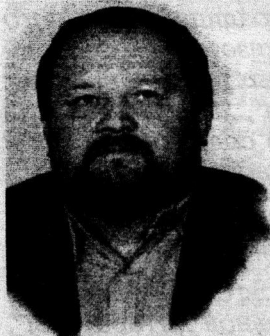
Родина поющий Хондергей. Учился в Чадане, Кызыле, Абакане, по образованию историк. Только два места работы – научный сотрудник ТНИИЯЛИ и заведующий кафедрой тувинского языка и литературы, профессор по ТывГУ Доктор филологических наук. Тема – “Тувинский фольклор в контексте центрально азиатских устно-поэтических традиций”. Он много раз выступал в печати с критическим анализом произведений тувинских писателей. Автор более ста научных работ. Среди них “Тувинские сказки” (5 сб.), “Кезер-Мерген”, “Кыс-Хальыр” (в соавторстве с Черлиг-оолом), “Негасимое солнце”, “Мифы и легенды”, “Тувинская поэзия”, “Очерк тувинской литературы”, хрестоматии.

Его труды известны ученым-тюркологам. Выступал с докладами на научных конференциях в Элисте, Алма-Ате, Ташкенте, Улан-Удэ, Новосибирске. Был в Монголии и Германии. Автор 6-томной “Истории многонациональной литературы”, статей в Литературную и Украинскую энциклопедию. Заслуженный деятель науки Тувы. Его работы отличаются подлинным академизмом, эрудицией, полемичностью, историзмом, поиском истины. Д.С.Куулара любят студенты и уважают коллеги. По характеру – боец. Оставайтесь таким на долгие годы! Радости и счастья, дорогой соратник по перу, Доржу Сенгилович!

Василий КРИВДИК

Святая память о матери

СОЛНЦЕ ЛЮБВИ МОЕЙ...

Президентами, как и поэтами, не рождаются — ими становятся. Но без матери нет ни поэта, ни президента. Сегодня наш рассказ об удивительной женщине, любовь к которой первый Президент Республики Тува, ныне Председатель Правительства РТ Ш. Д. Ооржак пронес в своем сердце через всю жизнь.

— Говорят, что человек сам — кузнец своего счастья, — рассуждает Шериг-оол Дизижикивич. — И от его отношения к учебе, работе, людям, действительно, многое зависит. Он выбирает профессию и овладевает ею. Он выбирает работу, которая дает ему кусок хлеба, позволяет кормить семью. Но никому из нас не суждено выбирать Мать и Родину. Первая дает человеку жизнь, вторая дает силу и веру в себя. Кажется, Горький писал, что все прекрасное в человеке — от лучей солнца и от матери. Я не стесняюсь говорить о любви к жене и детям, но любовь к матери — это святое чувство. Мать — это солнце любви моей...

Я видел лицо Шериг-оола Дизижикивича грустным и веселым, добрым и сердитым, озабоченным и оживленным, чаще — задумчивым и сосредоточенным. В эту минуту я наблюдал за отрешенным лицом человека, который окунулся в теплые воспоминания о своем детстве. Слово кадр из кинофильма, врезалась в память ребенка картинка. Белое безмолвие. Трескучий мороз. Рука мальчишки в теплой ладошке матери. Высокий и сильный отец — не зимняя шапка, а кепка на голове — легко взлетает в седло, улыбается и скачет с места галопом. Сегбе Ооржак был прекрасным наездником. В его жилах текла кровь одного из шестидесяти богатырей — Самбажыка-младшего. Он вернулся живым из монгольского городка Улясутая, где проходила казнь восставших аратов. Юрта родителей стояла рядом с юртой дедушки Дизижики Самбажыкивича Ооржака, сказания, легенды и житейские истории которого часто собирались послушать многие араты соседних аалов. Дед и дал отчество своему бойкому внуку Шериг-оолу.

Сказки Шериг-оол бегал слушать к дедушке Дизижику и красавице-бабушке Хорлуу, у которой всегда было припасено для него угощение. Сегбе был единственным сыном у стариков Ооржаков. Бабушка в молодости упала с необъезженного коня и не смогла больше иметь детей. Поэтому вся любовь стариков досталась внукам. Дизижик гордился сыном, его привязанностью к лошадям, удалью и трудолюбием. Сын был настоящим хозяином. Поэтому Дизижик Самбажыкович позволял ему распоряжаться своим скотом. Вместе они отдали в помощь фронту три табуна лошадей. Еще при ТНР араты избрали Сегбе Дизижиловича Ооржака председателем сумонной администрации. Он работал днем и ночью, не щадя себя. Часто ездил по аалам, вникая в проблемы аратов. В то время в Туве свирепствовали инфекционные заболевания. Медицина была слабой. От эпидемии неизвестной болезни умерли многие жители сумона Чыргагы. После одной из поездок заболел и отец. Предполагается, что черная оспа свалила крепкого 32-летнего мужчину, который раньше никогда не болел, даже не кашлял, не говоря о других недугах. В 1946 году Сегбе Дизижилович умер, оставив своей жене Саар Хеликпеновне шестерых детишек. Седьмого ребенка женщина уже носила под сердцем.

— Всех нас мама вырастила, воспитала, выучила, — вспоминает Шериг-оол Дизижилович. — У всех для нее находились ласковые и добрые слова...

В случае обиды младшие дети, держась за полу тона, прятались за спину матери, которая их защищала. Каждому из сыновей она помогала первый раз забираться в седло. Каждого благословляла на добрые дела. Говорят, если сын женится удачно, то его родители приобретут дочь, а если нет — потеряют и сына. Дизижик Самбажыкович гордился своей невесткой, у которой в юрте всегда был идеальный порядок, чистота и уют, дети были накормлены, красиво одеты. Всю одежду и обувь Саар Хеликпеновна шила сама. Она же могла выделать шкуру, связать свитер, носки или варежки, скатать войлок.

— Шериг-оол Дизижилович, как воспитывают президентов? Скажите честно, мать вас в детстве была? — спрашиваю я.

— Если вы заметили, то в нормальных семьях тувинцы никогда не бьют детей. Ни на одного из нас мать ни разу не поднимала руку. Мать у нас была народным педагогом. Она знала, что личный пример всегда действует лучше, чем проповеди или шлепки. Я не помню, чтобы мама когда-либо сидела без дела. Она всегда хлопотала по хозяйству, рукодельничала. Мы видели, как трудится мама, и всегда старались ей помочь. У каждого из нас была своя лошадка, свой теленок, свой козленок или ягненок. У каждого из детей был свой распорядок дня, свое задание по хозяйству. Один — колот дрова. Второй — носил воду. Третий — чистил кошару. Четвертый — пас овец и лошадей. Мы постоянно были заняты.

— Мать ко всем относилась одинаково или были у нее любимые дети?

— После смерти она так и не вышла замуж, хотя ей в то время было 29 лет. Любила мама нас всех одинаково, но к старшему сыну относилась как к хозяину, советовалась с ним. Старшие брат и сестра Болгун-оол и Хевен, чтобы помочь матери вырастить и выучить нас, бросили школу. Болгун-оол стал знаменитым механизатором, имел награды, неоднократно избирался в Дон-Терезине депутатом сельского и районного Советов депутатов трудящихся. Четверо из нас получили высшее и один — среднее специальное образование. Моя сестра Зоя Сагдыевна Ооржак 40 лет проработала учительницей, сейчас она — директор Ак-Довуракской школы № 2.

Второй брат, Каадыр-оол Ооржакович Сагды, окончил Ленинградский институт искусства. Хеймер-оол Сагдыевич Ооржак окончил строительный техникум. Я был в семье четвертым, окончил Тимирязевку. Мама очень гордилась тем, что каждый из нас получил профессию, что нас уважают люди. Сестра при жизни матери была завучем в школе, я — директором совхоза. Старший брат стал авторитетным в районе механизатором...

- Свою трудовую биографию вы начали плотником- бетонщиком. Какой подарок купили маме с первой зарплаты?

- Купил платок, а оставшиеся деньги тоже отдал ей. Маме было трудно нас растить.

Прошу Шериг-оола Дизижикивича назвать самые памятные поступки мамы.

- Хочется вспомнить один случай, - делится Шериг- оол Дизижикивич.- Мама не хотела получать пенсию, все твердила: "Грех присваивать чужой труд и пот. Я пособий не получала, а вас вырастила. И без пенсии проживу". Я ей рассказывал, что она всю жизнь проработала в колхозе, что весь скот отдала туда, что фронту помогала, что государство ей возвращает долги за ее труд. На заслуженный отдых женщины уходили тогда в 55 лет. Через четыре года маму убедил. Пенсию она начала получать в 59 лет.

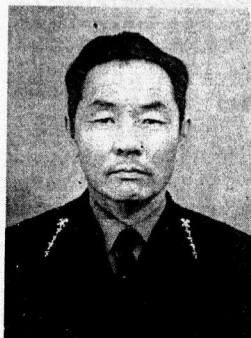
Сегодня у Сары Монгушевы и Шериг-оола Дизижикивича пятеро детей и восемь внуков. У Саар Хеликпеновны, если бы она была жива, было бы больше 50 внуков и правнуков. Она всегда твердила, что хорошие дети — счастливая старость, плохие дети - это горе не только для родителей, но и для страны.

В завершение нашего душевного и теплого разговора я попросил Шериг-оола Дизижикивича, который через всю жизнь пронес святую любовь к матери, сказать несколько слов для женщин республики.

— Счастье матери в ее детях, — начал Шериг-оол Дизижикивич.— Всем бабушкам и матерям я хочу пожелать здоровья и счастья. Пусть их дети и внуки растут красивыми и умными, радуя их своими достижениями, своей любовью и заботой. Будьте счастливы и помните, что будущее любой нации в руках матери.

ДАНДАР-ООЛУ САРЫКАЮ – 70

Интервью с юбиляром

Дандар-оол Дыртыкович, Вы по профессии горный инженер, интересно, а как стали писателем?

Д.С. Я начал писать в зрелом возрасте, в 30 лет. В детстве я очень много читал. Особенно Лермонтова. Тургенева люблю, прозу Пушкина, "Повесть о настоящем человеке" Полевого, "Тихий Дон" Шолохова. Вот страсть к чтению, наверное и привела меня к пробе пера. Я начал писать рассказы. Спустя 7-8 лет взялся за повесть "Нетронутый клад". Показал Степану Агбановичу. Он даже похвалил меня. Сказал, что лучше самого геолога никто не напишет о жизни геологов. Вы чувствуете руду, где, как лежит, как

отличить ее от других месторождений. А я как слепой в этом деле. Здорово, что владеете словом! Он мне давал советы. Под его влиянием я и стал писателем.

Когда и где пишете, как работаете?

Д.С. Я не профессиональный писатель. Много лет работал начальником смены, заместителем директора угольного разреза "Каа-Хемский". Днем некогда. Писал вечером, иногда ночью.

Герои Вашей повести, наверное, реальные люди. Кто они?

Д.С. Студент-практикант в повести "Нетронутый клад" – это я сам. Мы тогда работали на Тодже, в долине реки Даш-Балык "Каменная рыба". Точь-в-точь с натуры я списал портрет геолога Фомича.

В основу повести "Разорение" также легли реальные события начала 90-х годов. Я только изменил место действия. Чтобы прототипы не узнали себя, сознательно все перевел в автотранспортное предприятие. На самом деле было так. В 1986 году, зимой, возникла критическая ситуация на угольном разрезе. Сняли начальника. Поставили Брюзгина Ивана Перфиловича. Мужик такой крутой, за короткое время поднял производство на ноги. Но он с людьми был очень груб. Из-за такого его характера возникали конфликты с коллективом, в результате чего сократилась производительность труда. Доходы АТП, естественно, зависят от ритмичности и слаженности работы многих других строительных предприятий и заводов, с которыми по договору работает данное предприятие. Оно как артерия в русле многих производительных сил республики, как бы связующее звено между ними. Вот почему основным центром развала я сделал АТП. Когда наступил всеобщий кризис в производстве, пришло в упадок и АТП. Люди начали падать духом, каждый стал думать о своем личном выживании. Многие присваивали себе новые машины и уезжали за Саяны. Об этом я написал еще в начале 90-х г.г.

“Разоренная Тува” в сравнении с Вашей повестью, мне кажется, только констатация фактов, хотя там ужасающие фотоматериалы. Я имею в виду книгу М.Ховальга.

Д.С. Все нужно видеть изнутри, а главное – анализировать факты. Фотография – еще не произведение, нужно выстрадать концепцию, пропустить через ее через свое сердце, так меня учил Сарыг-оол.

Дандар-оол Дыртыкович, как вы смотрите на проблемы золотодобывающих артелей? Пишут, что они портят наши реки?

Д.С. Я отношусь к ним резко отрицательно, хотя сам геолог, горный инженер. В свое время я бывал в Харале, Нарьне, Алгыяке. Я хорошо знаю добычи золота подземным способом. Трага – это такая машина, что все уничтожит. Когда начали разрабатывать тражный метод добычи золота в Алгыяке, я бил тревогу в обкоме партии. Говорил, доказывал начальству, что так мы разорим Сыстыг-Хем. Это ведь экологическая катастрофа! Теперь вот самая богатая рыбой, чистая, прекрасная река погибает на наших глазах. Заболевшие золотой лихорадкой люди об этом даже не думают. Когда золото там кончится, они уедут. Они думают о золотых унитазах, им не до нашей Хам-Сары. . . Это все наше будущее, наше богатство, бог еге дал нам, а не бродягам-богачам.

Куда смотрит наше правительство? Нужно бить тревогу, чтобы там, в Москве, Шойгу услышал. Сегодня он министр, а через несколько лет станет обычным гражданином .

ЧАРГЫ-ДАА (Гора-Спор).

Чуть ниже Усть-Элегеста, против Красной-Горки стоит Чаргы-Даа. Давным-давно, не поделив власть между собой, поссорились два чиновника. Один из них, боясь отставки, в пещере спрятал свое сокровище – эргине. Он поднялся на вершину горы, с горя закурил свою длинную трубку. Сизый дымок его трубки заметил бродячий лама, сидевший напротив, через Енисей, на Красной-Горке. Открыв судур, он сказал:

— Скоро здесь будут воевать красные и белые. От громкой ссоры людей станет горько Хозяйке горы, навсегда высохнут ее слезы..

С тех пор дожди стали обходить Чаргы-Даа.

Будто в подтверждение той удивительной легенды на самом деле произошел несчастный случай на этой горе. Только что, в 1951 году, был открыт Эрбекский угольный разрез. Уголь добывали ручным примитивным способом. То ломами, то кирками дробили черные сухие каменные пласты. Затем в вагонетках запряженных лошадьми, возили уголь. Потом погрузив в узкие ящики их возили в Кызыл. Одна лошадь могла увезти 300-350 кг. угля. Всего в караване было 15 саней. По улице Щегинкина, там, где теперь стоит здание респотребсоюза, гудела, пыхла маленькая электростанция с одним котлом.

В лютый мороз (50°) всю зиму люди таскали таким образом по 2000 тонн угля. На этой теплоэнергии работала типография, выпускались книги и газеты.

В то время С.Тока за книгу "Слово арата" получил Государственную премию. Этим же теплом обогревались улицы Ленина, Щетинкина и Дом правительства.

Мне давно рассказывал артист Николай Олзей-оол, что первый муж его русской жены раньше работал в кочегарке электростанции, что ночью он видел, как там тайком сжигали трупы репрессированных и осужденных людей – жуткая история!

Однажды при спуске попался большой камень и перегородил путь вагонетки. Остановилась вся работа. В то время не было бульдозера, тем более экскаватор шахтерам даже и не снился. Единственный выход – раздробить каменную глыбу взрывчаткой. Подкопали и подложили динамит. Сверху присыпали землей. Раздался страшный взрыв, и тут же возгорелась смешанная с кислородом угольная пыль. Возник пожар. Люди не успели выбежать из шахты, погибло 5 человек.

Как предрекал лама, может быть это и есть наказание за грехи красных за насилие над природой.

Образовалась страшная трещина, как пасть разъяренного дракона, вот уже 55 лет внутри горы горит, тлеет неисчислимый запас черного золота.

Иногда, остановившись на Красной-Горке, смотрю на этот дым и думаю, кто его знает, может быть, когда-нибудь придет время великого ливня и потушит этот подземный столетний пожар. Удивительно, когда и кто дал этой горе такое вещее название – Чаргы-Даа (Гора-Спор).

Эту историю мне поведал писатель, бывший горный инженер Дандар-оол Дыртыкович Сарыкай.

Сегодня ему исполняется 70 лет.

О, бурхан, дай ему 100 лет жизни!

Баазан Черлиг-оол.

Антонина ДОНГАК

ДЖИГИТКА С БЕРЕГОВ ЕНИСЕЯ

Я хотела бы рассказать вам, уважаемые читатели, о своей подруге, Рите Сумба, которая вот уже 15 лет живет в Берлине. Кажется, только вчера это было: вручены дипломы, и мы, окончив наш родной восточный факультет, разъехались по городам и весям. С тех пор прошло, мягко говоря, достаточно времени, по-разному сложились судьбы каждого. И, вспоминая какого-то конкретного человека,

невольно вспоминаешь всех, кто был тогда рядом.

В группе тибето-монгольской филологии Ленинградского государственного университета нас было пять человек, четыре девушки и юноша. Лена Николаева приехала из Кемерово. Ее мама была крупным ученым по космической медицине, доктором наук. Леночка после окончания университета поступила

в аспирантуру, уехала в Индию работать над диссертацией по буддизму, вышла там замуж за индуса из касты браминов и теперь живет в Дели.

Юмжан Жабон из Улан-Удэ, ныне кандидат наук, специалист опять же по буддизму, работает в ИМБиТ.

Наш единственный на всю группу парень, ленинградец Виталий был полиглотом, свободно владел несколькими иностранными языками. Он тоже поступил в аспирантуру. К несчастью, его жизнь трагически оборвалась в 1987 году.

В этой дружной группе учились и мы – две девушки из Тувы, Рита и я.

Нам очень повезло с куратором. Им был Бронислав Иванович Кузнецов, тибетолог с мировым именем. И истинный петербуржец. Подростком Бронислав Иванович пережил блокаду, во время которой был тяжело ранен осколками. В 1956 году, окончив отделение китайской филологии востфака ЛГУ, стал аспирантом и учеником известных российских востоковедов В. С. Воробьева-Десyatовского и Б. И. Панкратова. Будучи аспирантом, Бронислав Иванович уехал в Иволгинский дацан Бурятии изучать буддизм и тибетский язык.

Вернувшись в родной Ленинград, стал преподавать. Благодаря своему таланту и огромной любви к Востоку он стал авторитетным ученым и мудрым наставником молодежи.

Бронислав Иванович был единомышленником и близким другом Льва Николаевича Гумилева. Почти на каждом занятии, помимо изучения тибетского языка, мы упоенно слушали воспоминания нашего учителя о семье Гумилевых – Льве Николаевиче и Анне Андреевне Ахматовой. Сейчас я осознаю, что тогда мы с Ритой, приехавшие из далекой провинции, не вполне осознавали историческую значимость и ценность этих рассказов-воспоминаний. Помню, он всегда говорил о какой-то “матушке”: “Матушка запретила”, “Матушка похвалила”, “Матушка отругала”... Первое время мы не догадывались, что речь идет об Ахматовой. Постепенно мы привыкли к рассказам Бронислава Ивановича и с нетерпением ждали общения с ним. Незаурядность всего происходившего мы осознали много позже, когда вдруг не стало нашего учителя. Он умер в 1985 году, совсем молодым, в возрасте 54 лет, вскоре после того, как мы окончили университет.

Сейчас, когда прошло столько времени, мы осознаем, что учитель вложил в наши души значительно больше, чем ему было положено “по долгу службы”. Бронислав Иванович делился со студентами не только научными знаниями, но и приобщал нас к европейской культуре. Он прекрасно знал мировую литературу, владел более чем двадцатью языками. Несмотря на то, что ему было трудно передвигаться, ежедневно приезжал на факультет, затрачивая два часа на метро. Раз в неделю проводил занятия дома. Для нас это был не только повод для неограниченного общения – в гостеприимном доме нас, студентов, всегда ждал накрытый стол. Бронислав Иванович специально покупал наши любимые лакомства. Например, я как-то проговорила, что люблю консервы из корюшки, и с тех пор меня у него дома всегда ждали аппетитные бутерброды из черного хлеба с корюшкой.

Бронислав Иванович любил всех нас, но особой его привязанностью была Рита Сумба. Он с улыбкой говорил про нее: “У-ух, джигитка настоящая! Вот такая способна харакири сделать, как настоящий самурай!” Слово “джигит” было в его устах высшей похвалой. Бронислав Иванович во время уроков одаривал этим словом того, кто делал не просто хороший, а очень хороший перевод. Рита чаще всех удостоивалась чести быть названной джигитом. Бронислав Иванович поощрял усердие и непосредственность Риты. Она всегда была более самоотверженной и трудолюбивой, чем остальные в группе. Кроме того, Рита постоянно подрабатывала, потому что ее родители жили скромно и не всегда имели возможность помочь своей студентке, и знала цену самостоятельности. Например, после окончания первого курса Ритка в составе студотряда проводников объездила страну вдоль и поперек, с севера до юга.

На пятом курсе Рита сообщила нам, что собирается замуж за немца. Бронислав Иванович сначала расстроился, но потом смирился

и сказал: "Что поделаешь, любовь. Наши яркие восточные девушки всегда пользовались успехом у белесых англосаксов..." Для этой шутки у него были веские основания: к тому времени в разные годы многие девочки с кафедры тибето-монгольской филологии вышли замуж за иностранцев и уехали во Францию, Германию, Финляндию, Чехословакию, Болгарию, Америку и т. д. Так что Ритка не оказалась исключением. Ее муж Штеффан учился на два курса ниже на отделении тайской филологии востфака. Штеффан был специалистом по лаосскому, тайскому, китайскому языкам.

После окончания университета мы с Ритой вернулись домой, в Кызыл. Штеффан доучивался. И до отъезда в Германию Рита работала научным сотрудником в музее имени 60-ти богатырей. Делала каталогизацию тибетских и монгольских рукописей и ксилографов. После рождения сына Белека в 1987 году уехала на родину мужа. Сначала, как и всем эмигрантам, ей было очень трудно, несмотря на то, что в материальном отношении Рита была устроена хорошо. Мы еще долго ютились по каким-то общагам, а Рита и Штеффан уже жили в огромной квартире в центре Берлина ("мещанской", как ее определяла сама Ритка-джигитка). Во времена ГДР выпускникам советских вузов, да еще состоявшим в браке с гражданами СССР, автоматически выделяли квартиры.

Штеффан стал аспирантом востфака Берлинского университета имени А.Гумбольдта. А Рита поначалу была просто домохозяйкой и мамой, поскольку в 1989 году родилась и Анечка. Двое маленьких детей, большая квартира, забот хватало. Но такое положение вещей могло устроить только женщину, совсем не похожую на Риту. Вновь проявился ее бойцовский характер. Она занялась самообразованием (ведь вокруг была чужая культура), стала изучать язык и искать работу.

Большие и настоящие проблемы начались после объединения двух разных Германий в 1990 году. Как и многие другие, Штеффан остался без работы, жизнь кругом кардинально менялась. Это было очень трудное время в их жизни. Но знания и высокий уровень интеллекта в цене в любом обществе. Их дипломы востфака Ленинградского университета дали дорогу и в объединенной Германии. ЛГУ признан мировым научным сообществом как высококлассное учебное учреждение. Тем временем многие выпускники других советских вузов моментально стали людьми, лишенными всяких прав, их дипломы оказались недействительными. Без работы остались врачи, экономисты, юристы, историки, философы и многие другие.

Штеффан, как человек, владеющий восточными и европейскими языками, вскоре получил работу в немецко-швейцарской транспортной фирме и успешно делал карьеру. Рита тоже не сидела сложа руки, окончила Академию культуры и получила сертификат менеджера по культуре, сдала экзамен на знание немецкого языка.

А русский язык Штеффана был безупречен, это оценили руководители фирмы и направили его в Ташкент, представителем

фирмы в странах Средней Азии: завоевывать новый рынок.

В Ташкенте Рита и Штеффан прожили два года. Оттуда Рита отправила документы на конкурс замещения вакантной должности преподавателя тибетского языка Берлинского университета. Вскоре пришел положительный ответ. Муж оценил ее желание реализовать себя как специалиста, и семья вернулась в Берлин.

Все эти годы Рита не прерывала связи с родной Тувой. Вместе с мужем и детьми они были частыми гостями в Кызыле. Штеффан полюбил Туву всем сердцем, удивлялся развитым родственным отношениям тувинцев, тому, как родственники помогают друг другу, держатся друг за друга.

И в Германии, и в других странах Рита активно пропагандировала интереснейшую, богатую культуру Тувы. Как менеджер, она впервые осуществила самостоятельный проект. Это была выставка рисунков Нади Рушевой в Германии. На Западе жесткая конкуренция, но Рита смогла найти свою нишу. Организация выставок – дело очень сложное, надо иметь и профессиональное чутье, и настойчивость, чтобы “пробить” выставку в престижных музеях и галереях Европы. С помощью Риты организованы крупные выставки по шаманизму в Антверпене (Бельгия), Германии и Австрии. Путем длительных деловых переговоров с самыми разными организациями, от министерств культуры России и других стран до директоров музеев, Рита устраивала транспортировку экспонатов, финансирование, дорогу и проживание участников выставок. Все это требовало массу сил, времени и средств. Очень часто они со Штеффаном вкладывали в дело личные деньги, причем совершенно бескорыстно. Каждая выставка становилась их совместным детищем. Это так важно, когда в осуществлении проектов тебе помогает не просто интеллектуал, высококлассный переводчик, но и любящий муж, отец твоих детей.

Самостоятельная карьера Штеффана тоже стремительно шла вверх. До той самой минуты, пока роковая случайность не разрушила эту семейную гармонию. Штеффана не стало летом 2000 года. Ему было всего 37 лет. У Риты остались очаровательные, умные Анечка и Белек, гордость и надежда родителей.

Так и живет моя подруга Рита в Германии, преподает тибетский и монгольский языки студентам в университете Гумбольдта. Нет рядом Штеффана, но есть дети, есть верные друзья – Соня, Керстин, Лутц, Роланд и многие другие наши однокашники-восточники, которые морально поддерживают Риту. У них образовался маленький островок Питера, русской и восточной культур. Когда они собираются вместе, посторонний не догадается, что общаются немцы, потому что звучит чистейшая, безупречная русская речь.

Удачи тебе, подруга! Я верю в твой оптимизм, в умение преодолевать трудности. Ведь недаром Бронислав Иванович называл тебя джигиткой!

Монгуш КЕНИН-ЛОПСАН

ДУША ДЕТЕЙ

К 75-летию Олега Сувакпита

СЫН СКАЗИТЕЛЯ

В местечке Баян-Дугай, по-русски – Богатое окружение, Дзун-Хемчикского кожууна в семье народного сказителя Саая Одербея 9 мая 1926 года родился мальчик. Ему дали имя Сувакпит. Он был очень любознательным мальчиком. Сначала научился читать газеты, а потом писать. Его детские годы прошли в мире кочевников. Он очень любил переезды. Ведь тувинцы в течении одного года совершали четыре перекочевки, в зависимости от наступления осени, зимы, весны и лета. Мелодичный напев отца-сказителя, зрелищный эффект окружающей природы и ласковые слова матери были его первыми уроками умственного развития.

НАС БАГОСЛОВИЛ ЩИПАЧЕВ

Свежо помню зиму 1943 года. И школьники, и горожане одной шеренгой отправились в Бора-Булак-Аксы, где, как всегда, финишировали кони во время скачек в дни народных праздников, среди белого снега черным орлом появилась легковая машина. Оттуда вышли стройные люди в гражданской форме, среди них был один высокий мужчина в серой шинели, в валенках и ушанке. Он стал центром внимания для всех глаз.

Этот высокий человек был Степан Петрович Щипачев, который приехал в Тувинскую Народную Республику по поручению А.Фадеева оказать помощь по созданию Союза писателей ТНР. Люди улыбались, обнимались. Эта встреча оставила в моей детской памяти вечные следы братства.

Вечером состоялась встреча с поэтом-фронтовиком. Его сопровождали классики тувинской литературы Сергей Пюрбю, Дамбы-Сюрюн Куулар, Монгуш Идам-Сюрюн. Степан Петрович Щипачев читал свои стихи, а Сергей Пюрбю сразу же на слух переводил на тувинский язык.

Прошла ночь, полная детских впечатлений и удивлений после поэтического вечера. Днем встреча состоялась в нашей школе. Мне поручили отдать рапорт русскому поэту-фронтовику.

— Мы собрали пять мешков облепихи для раненых бойцов, — отрывистым голосом рапортовал я. Вдруг я оказался в крепких объятиях поэта-фронтовика. Затем мы собрались в большом зале, где Степан

Петрович читал свои стихи, Сергей Пюрбю их очень выразительно перевел на тувинский язык. Затем директор школы Куудал Дары-Сюрюн представил русскому гостю своих поэтов-школьников.

Мой товарищ Сувакпит читал свое стихотворение "Вершина Аржай-горы", я читал свои стихи "Курут". Наш великий поэт Сергей Пюрбю их перевел на русский язык, Степан Петрович пригласил нас к себе. Олег сидел по левую, а я – по правую сторону от него.

— Вы будете поэтами! – запомнил я эти колдовские слова, сказанные Щипачевым переведенные Сергеем Пюрбю. Так моего детского друга Олега и меня благословил замечательный русский поэт.

ПОБЕДИЛ В ЧТЕНИИ

Ясно помню зиму 1944 года. К нам приехал артист Кок-оол. Я тогда не знал, как его величать. Он у нас работал учителем художественного чтения. Вечерами он нам устно перевел материалы Совинформбюро, опубликованные в газете "Тувинская правда". Артист Кок-оол лично объявил конкурс. Кто выйдет победителем в состязании по выразительному чтению, поедет в город Кызыл.

Осталось тринадцать учащихся. Среди них и я. Признаюсь, что, находясь в городе Чадане, мысленно я уже был в Кызыле как победитель. Все читали отрывки, предложенные великим артистом. Тогда я думал, что кто очень быстро прочтет тот и будет победителем. Я исключительно быстро прочитал конкурсный материал. Однако потерпел поражение. Когда учитель попросил меня вспомнить содержание прочитанного, я ни слова не мог сказать. Мой товарищ Олег Сувакпит читал медленно и четко говорил о содержании прочитанного. Он победил и отправился в Кызыл, в театральную студию, как тогда говорили.

Да, были детские годы – веселые и наивные, озорные и романтические.

ВЕСНА ПОЭТОВ ТУВЫ

Для меня необыкновенной осталась весна 1944 года. Тогда председатель Союза писателей Тувинской Народной Республики Сергей Бакизович Пюрбю организовал семинар молодых писателей Тувы.

Был такой случай. Мой односельчанин Дугаржап Монгуш и я не могли найти попутной машины в городе Чадане. Появилась около почты грузовая машина, нагруженная мешками с шерстью для фронта. Степан Агбанович Сарыг-оол, находившийся там в командировке во время весенней кампании, вел беседу с водителем, он один провожал нас на семинар поэтов. Итак, приехали в столицу, город Кызыл. Собрались молодые поэты и писатели. Читали спецпредметы наши учителя: "Поэтику" — Сергей Бакизович Пюрбю, "Теорию литературы" — Александра Федоровна Бобкова, "Правописание" — Александр Адольфович Пальмбах, "Международное положение" —

Олег Карламович Саган-оол, "Курс журналистики"— Байкара Дамчаевич Ховенмей, наш переводчик Леонид Борандаевич Чадамба.

Олег Сувакпит! Друг моего детства. Мы гордимся тем, что у нас были скромные, мудрые учителя, которые нам дали путевку в мир творчества.

Помню, вижу и слышу голос гения тувинского стиха Сергея Пюрбю, когда он проводил разбор представленных стихотворений каждого поэта. Он с таинственной гордостью называл имена молодых. Вот они: Юрий Кюнзегеш, Олег Сувакпит, Дамба Соян, Салчак Тамба, Дугаржап Монгуш, Алексей Хуурак, Монгуш Идам-Сюрюн, Константин Тоюн, Феликс Сегленмей, Виктор Саган-оол, Алексей Арапчор. Вот мир поэтической весны, где ты, Олег Сувакпит, встречался с талантами литературной Тувы.

Опять весна. За шугою идет белым ледком другая шуга. За волною идет горловым пением другая волна. И ныне прозаик Монгуш Санчитолович Эргеп, поэты Виктор Биче-оолович Саган-оол, Алексей Дугерович Арапчор и я по возрасту идут впереди другой юности поэтического глагола. И ты, Олег Одербеевич Сувакпит, своими стихами возвеличиваешь силу, красоту и могущество тувинского языка.

ЛАУРЕАТ

Простота – это мастерство поэта, Олег Сувакпит выпустил книги стихотворений и рассказов. Он отличный переводчик с русского языка. Автор двухтомника для чтения в детских садах. Много лет работал председателем Союза писателей Тувы. Помогал начинающим авторам выпустить первые книги.

Олег Сувакпит – мастер художественного слова. Его стихи и рассказы написаны народным языком. Его поэзия близка и понятна читателю любого возраста.

Олег Сувакпит в 1991 году награжден Государственной премией Республики Тыва.

Поэзия Олега Сувакпита по форме тувинская, по содержанию – интернациональная.

Мои небесные боги Олега Сувакпита не убергли!

Содержание

60 ЛЕТ СОЮЗУ ПИСАТЕЛЕЙ ТУВЫ

<i>Игорь Иргит</i> . Рожден национальной грамотой.	3
<i>Степан Сарыг-оол</i> . Открытие истины.	7
<i>Павел Железнов</i> . "Пусть слышат все..."	9

ПРОЗА

<i>Степан Сарыг-оол</i> . Огненные телеги.	11
<i>Дандар-оол Сарыкай</i> . Таежные новшества (Главы из повести "След в тайге").	20
<i>Черлиг-оол Куулар</i> . Как победить темноту? Дорога в мир книги. Назия. Посвящу чистоту мелодии своей. К новым высотам (Главы из повести "Шораан").	26
<i>Мадон Монгуш</i> . Смерть в песчаной степи.	39
<i>Марта Сиянбил</i> . Свет за облаками.	46
<i>Салчак Серен</i> . Случай с охотником.	52
<i>Василий Хомушку</i> . Достоинство храпа. Как эстафетная палочка.	54
<i>Лора Оюн</i> . Мой скромный совет (Миниатюры).	56

ПОЭЗИЯ

<i>Сергей Пюрбю</i> . На прощанье, на скорбь нашей вечной разлуки.	
Ты прекрасна.	59
<i>Юрий Кюнзегеш</i> . Мы подошли с тобой к вершинам снежным.	
Опять кандьки зацвели вдоль склонов.	
Любовь с горою сравниваю я.	59
Когда кукует кукушка.	
<i>Куулар Улу</i> . Тишина Гоби. Ждут меня небоскребы и биржи.	61
<i>Антон Уержаа</i> . Человек, который несет камень.	62
<i>Зоя Намзырай</i> . Ждет меня мама. Юрта. Мой день рождения.	
Шончалай. Птицы, которые возвращаются.	63
<i>Сайлыкмаа Комбу</i> . В минуты грусти не печалься.	
Два берега – я и ты.	66
Ты уехал за мечтою.	
<i>Владимир Кан-оол</i> . Переболел тобою я давно.	
В прозрачной и звонкой капели.	67
<i>Алексей Бегзин-оол</i> . Святыня. Казнь. Стих насытившейся души.	68
<i>Сергей Олзе-оол</i> . Девчонка длиннокосая у юрты белоснежной.	
Седина в голове и по прощлому грусть.	
Я помню Франции цветы.	70
<i>Эмма Цаллагова</i> . Вот они – в небе, то стаей, то парами.	
Ни в чем не знала я разумной меры.	70
Обнищание веры.	
<i>Инна Принцева</i> . Этой весной.	73
<i>Кондратий Емельянов</i> . Бессонница.	76

<i>Ольга Нестеровская.</i> Поздняя осень. И еще раз о любви. Снег.	78
<i>Людмила Санчай.</i> Ветру. Любовь и ненависть.	79
<i>Мария Кужугет.</i> Так бывает всегда. Не дожидаясь таянья снегов.	81
<i>Юрий Вотяков.</i> Прощай, Кавказ. Кто я? Пасхальная ночь.	
Перечеркнуть бы жизнь.	82

ГОСТИ ЖУРНАЛА

Республика Хакасия.	
<i>Михаил Кильчицаков.</i> Моя Хакасия. Любовь.	85
<i>Наталья Ахпашева.</i> Чингизиды. Начало новой кармы.	86
<i>Валерий Майнашев.</i> Песня о друге. Крик бурундука.	87
Республика Алтай	
<i>Аржан Адаров.</i> Моя песня.	88
<i>Байрам Суркачуев.</i> На родине моей. На Алтае моем, где луна, как слепец.	89
Горная Шория	
<i>Тебир Косточаков.</i> Нет выше гор.	90
<i>Алтыншаш Арбачакова.</i> Мой величавый шорский народ.	90
Кемеровская область	
<i>Борис Бурмгистров.</i> Душа напомни о себе. . В своей стране мы не свои.	92
Республика Бурятия	
<i>Лопсон Гергенов.</i> О время, милосердья жажду.	93
<i>Виктория Алагуева.</i> Будда. Где ты?	93
<i>Валентина Цыренова.</i> Меня полюбили собаки и дети.	94

ЮБИЛЕИ

Поздравления	96
Профессору Куулару Доржу Сенгиловичу – 70	97
<i>Ш. Д. Ооржаку — 60</i>	
<i>Василий Кривдик.</i> Солнце любви моей.	98
Дандар-оолу Дыртыковичу Сарькаю – 70	101

НАШИ ЗА РУБЕЖОМ

<i>Антонина Донгак.</i> Джигитка с берегов Енисея.	104
--	-----

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ

<i>Монгуш Кенин-Лопсан.</i> Душа детей.	108
---	-----

